

Д. Никитченко

Чужая воля

Дмитрий Олегович Никитченко

Чужая воля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69154549

SelfPub; 2023

Аннотация

Эта книга начинается, как мистическая детективная история о студентах, которые сделали себе татуировки, прельстившись тем, что они бесплатны. Но вскоре татуировки начинают жить своей жизнью, и влиять на психику и поведение героев. Одному они коверкают жизнь, а другого – и вовсе приводят к гибели. Постепенно появляются новые персонажи, на первый взгляд, не связанные друг с другом. Но это только на первый взгляд....

Дмитрий Никитченко

Чужая воля

ГЛАВА 1.

Артема нашли только через полгода после того, как его родители подали заявление о пропаже. Все это время тело пробыло в воде, сильно разложилось, так что установить причину смерти было затруднительно. Судмедэксперты не обнаружили повреждений и переломов, а внутренние органы были практически полностью выедены речными обитателями. Правда, один рьяный интерн-стажер – а это было его первое дело (тело), и он подошел к нему со всем еще не растраченным пылом молодого специалиста – разглядел на левом надглазничном крае черепа едва различимую царапинку. Насмотревшись старого американского сериала «Кости», в котором главная героиня, глядя на скелет, не только безошибочно определяла причину гибели, но и вычисляла убийцу, он смело предположил, что покойного могли убить ударом острого предмета – узкого ножа или отвертки – прямо в глаз. А может, и вообще – шампуром....

– А что? – разглагольствовал он. – Тело нашли в курортной зоне, вокруг множество турбаз и просто мест для отдыха. Очень легко предположить, что приехала компания на пикник, напились, перессорились, и один другого раз – и

шампуром в глаз! А тело в речку – и готово! Поэтому нам надо определить дату смерти, а потом запросить данные обо всех случаях...

Но тут полет его мысли прервал наставник, эксперт с тридцатилетним стажем, который поначалу не обратил внимания на эту царапинку, а когда разглядел, то заявил, что может назвать с десятков других – и гораздо более правдоподобных – причин ее возможного появления. Юный следопыт уже приготовился слушать и даже включил диктофон, чтобы не упустить ни одной мудрой мысли, но более ничего от гуру так и не услышал, кроме распоряжения позвать санитаров унести останки.

И в заключении было написано: «Смерть по неустановленным причинам». Дело было закрыто.

Годом ранее....

– Пойдем, чего покажу, – с заговорщицким видом Артем взял Володю под руку и повлек в сторону туалета.

– Может, не стоит? А то вдруг у меня потом комплексы возникнут, – засмеялся Володя, стараясь высвободиться из рук приятеля. Но Артем пропустил шутку мимо ушей и, не позволив Володе вывернуться, втокнул его в дверь. Уже начались занятия, и в туалете никого не было, только под потолком плавала легкая табачная дымка – несмотря на строжайший запрет, некоторые рискованные личности все равно по-

куривали в переменку. Артем задрал футболку. На левой стороне груди, внизу, на нижнем ребре темнела татуировка. Маленький, не больше банковской карточки, рак. Тату была сделана так искусно, что рак казался живым, на выпуклой иссиня-черной клешне блестели капельки воды, по спинке и хвосту пробегала полоска света, словно отраженного от тусклой туалетной лампы. Ощущение было такое, что он сейчас пошевелится.

– Ух ты! – восхищенно выдохнул Володя. Он не удержался и провел по татушке пальцем. Он так и ожидал ощутить твердый холодный и мокрый панцирь, но палец ткнулся только в теплое плоское ребро.

– Но-но, предметы искусства руками не трогать! – Артем опустил футболку. – Ну, как тебе? Как живой, скажи?

– Супер! Я такой красоты ни у кого не видал! Где это ты такой салон нашел? Дорого, небось?

– Да так, случайно получилось, и не салон это, вовсе... – Артем опять напустил на себя таинственности. – Ладно, погнали, а то пара уже началась, опять Михайловна гундеть будет.

Они быстрым шагом направились к аудитории, где уже началась лекция. Михайловна что-то писала на доске, и их опоздание осталось незамеченным. Только староста группы Шуджаят по кличке Черный Носорог недовольно повел своим всевидящим носом. Впрочем, на него друзьям было совершенно начхать.

После занятий, по пути домой, Володя все-таки добился от приятеля подробностей. Помявшись, Артем рассказал, как обзавелся этим шедевром татуажа:

– Меня батя на овощную базу послал, ты же знаешь, он у меня самогон варит, и ему постоянно нужны всякие фрутки – типа виноград, слива, абрикосы и всякое такое. Ну, он и берет некондицию по дешевке, там есть такой ангар в самом конце. То есть фрукты там всякие мятые, давленные, не гнилые еще, но продать уже нельзя, вот их и отдают задешево таким вот самогонщикам да виноделам. Ну и бабульки на варенье берут. Ну, короче, я иногда туда езжу. Вот и на той неделе отправил меня батя за сливой, я загрузился и уже уезжать собрался, как увидел паренька такого странного. Там в этом ангаре, сбоку какой-то подвальчик, и у входа на ящике сидел этот паренек, даже не паренек, а скорее – мужичок, с бородкой такой жиденькой, сам тощенький. Вообще какой-то странный. Он в халате сидел, в обычном таком синем халате, с рукавами завернутыми. И меня поразили его руки – они все сплошь были покрыты татухами, прям живого места не найти. И черт меня дернул заговорить с ним, я ведь никогда этим особо не интересовался, а тут как помутнение какое-то нашло. Ну, слово за слово, и вдруг я ни с того ни с сего, заявляю, что тоже хочу себе наколку сделать, да только не знаю, к кому обратиться. А он и заявляет, что, мол, я могу тебе набить. Прямо здесь и сейчас! И прикинь, я иду с ним в этот подвальчик – а там у него какой-то ссанный матрасик в

углу, тумбочка, да пара деревянных ящиков вместо стульев. Вот и вся меблировка! Он достает из тумбочки толстенный засаленный альбом. А там тысячи всевозможных татуировок, и черные, и синие, и разноцветные. Чтобы просто все просмотреть – дня не хватит! А уж, чтобы выбрать... Ведь на всю жизнь делаешь, тут с наскока нельзя. Вот, значит, вылупился я на эти рисунки и завис. А паренек этот мне на помощь пришел: какой у тебя знак зодиака, спрашивает. Как бы направляет меня. А что, знак зодиака – это мысль! Это не просто украшение, а со смыслом получается, мне понравилась идея.

– Рак, – отвечаю.

– Вот и славно. – Он быстро листает альбом. – Вот, смотри, – а там страниц десять одних только раков: и готических, и восточных, и схематичных, и совсем натуральных, и цветных, и черных. Я опять зависаю.

– Ну, хорошо, где набивать будем, на каком месте?

Я опять задумался, но потом все-таки решил: где-нибудь на груди, чтобы под футболкой не заметно было. Ну, он мне этот рисуночек и предложил, я сразу согласился.

– А почему это чтоб под футболкой не видно было?

– Да черт знает, на всякий случай. Ты историю с Юркой не помнишь? Он в нашей школе, на два класса старше учился.

– Юрку-то помню, а про историю не в курсе. А что там случилось?

– Ну, он работу искал, резюме в одну солидную конто-

ру отправил, его на собеседование пригласили. Там какой-то конкурс лютей был, чуть не пятьдесят рыл на место. Кучу тестов, задачек разных сдавать пришлось. Так вот он на все вопросы правильно ответил, ни единой ошибки, а его все равно не взяли. Потом уже рассказали, что их там всего двое таких умников оказалось, что все правильно порешали, но поскольку место было всего одно, то им пришлось выбирать, и они взяли того другого, потому только, что у Юрки татуха была на предплечье набита, а он в футболке был, мол, солидная компания, и такое не приветствуется. Конечно, если бы он единственный был, кто все верно решил, никакие татухи бы их не испугали, и его бы взяли. Но тут был выбор, и они предпочли не разукрашенного. Вот я и решил подстраховаться на всякий случай, кто знает, куда карьера занесет? Ну да ладно, вернемся к нашим баранам, то бишь – к мужичку этому.

– А сколько стоит-то? – спрашиваю. А он отвечает, что, мол, бесплатно тебе сделаю, только одно условие – чтобы я никому не рассказывал. Поэтому я только тебе, как лучшему другу – больше никому, даже предкам. Я и татуху – только тебе показал. Так что и ты держи язык за зубами.

– Что-то тут не так – с какого хрена он тебе бесплатно – то? Может, не договариваешь чего? А ну колись, – Володя ткнул Артема в бок.

– Да я сам напрягся, где подвох, спрашиваю. А он говорит, что, мол, первую бесплатно, а вот за последующие уже пла-

тить придется. Типа рекламная акция. Видать, уверен, что я еще приду. Но я-то больше и не собираюсь, тут он просчитался, – Артем довольный ухмыльнулся. – Хреновый из него бизнесмен.

– Блин, я тоже такую красоту хочу! Особенно – на халыву! – оживился Володя.

– Так какие проблемы? – пожал плечами Артем. – Как бы случайно там окажись, побазарь с ним за то за се, он тебе сам наверняка и предложит. Только меня не выдавай, я ж пообещал все–таки.

Овощебаза занимала обширную территорию на юго-западе города. Одной стороной она примыкала к линии железной дороги, сбоку от нее располагалась электростанция, от которой над территорией базы протянулись высоковольтные провода, вследствие чего этот большой участок земли не подходил под жилищное строительство. И хотя жадные взоры застройщиков то и дело останавливались на этом лакомом куске, строительные нормы оставались неизменными, город навстречу застройщикам не шел и разрешения на застройку не давал – базой рулили тоже ребята авторитетные и совсем не бедные, и база спокойно себе существовала вот уже более пятидесяти лет. Обнесенная по периметру железобетонным забором, украшенным поверху колючей проволокой, она, по сути, представляла собой маленький обособленный город внутри большого города. Попасть

внутри можно было только через КПП, а чтобы въехать на машине, нужно было получать специальный (и не бесплатный) пропуск. Внутри были все атрибуты небольшого городка: главный проспект с большими кирпичными и металлическими ангарами, от которого по обе стороны расходились улицы, состоящие преимущественно из морских контейнеров, от которых, в свою очередь, разбегались совсем маленькие, заканчивающиеся тупиками проулучки, состоящие из палаток и ларьков. Была своя центральная площадь со зданием ратуши, то бишь администрации, с припаркованными Бентли, Майбахами и прочими Гелендвагенами. Была своя небольшая гостиница для шоферов, кафешка, и для полного сходства с городком не хватало разве что церкви. Хотя, в данном случае, мечеть была бы более уместна.

И вот в ближайшую субботу, прогуливаясь по территории овощебазы – ну где еще погулять теплым летним днем? – Владимир «ненароком» оказался у ангара с уцененными фруктами. Найти его оказалось непросто, он находился в самом дальнем конце, но Володе помогли подсказки Артема, а потом и специфический сладковато–гнилостный запах.

Странный мужичок оказался на том же ящике у входа в подвал, как и рассказывал Артем. Привалившись к стене и закинув ногу за ногу, он читал газету. Было жарко, и он был без халата, только в дырявых трениках, да в шлепках на босу

ногу. Его худое тело сплошь покрывали татуировки, издали он казался одетым в сине-зелено-красно-черный бадлон. Через дырку в штанине виднелся кусочек также густо размалеванной ноги.

Володя неторопливо прошелся мимо и даже постоял немного, оглядываясь, будто искал чего-то, но мужичок продолжал себе читать газету, не удостоив его даже взглядом. Вокруг носились тучи мух попеременно с осами, и Володя то и дело отмахивался, но мужичок совершенно не обращал на них внимания, и, похоже, насекомые отвечали ему тем же.

– Ой, извините, – не дождался приглашения Володя, – у Вас такие красивые татуировки, не подскажите, где найти мастера, что такую красоту набить сможет? Я бы тоже не отказался.

Мужичок отложил газету. Выглядел он действительно странновато: темные в мелких завитушках короткие волосы, желтоватое, как у китайца лицо с китайской же тонкой жиденькой бородкой, крупный, мясистый нос с горбинкой и неожиданно голубые глаза под длинными белесыми ресницами.

– Так здесь и делают, – голос его тоже показался Владимиру странным и смутно знакомым.

– Неужели?! – восхитился Володя. – Значит, вы – этот мастер и есть?

Мужичок кивнул.

– И прямо сейчас сможете сделать?

Снова кивок.

– Ой, как жаль, что прямо сейчас у меня с собой денег нет, – он сокрушенно похлопал себя по карманам.

– Это не проблема, первую тату я набиваю бесплатно.

– Здорово! Давайте сделаем! Так, а если я захочу потом еще, то это будет уже за деньги?

– Да, за следующие придется платить.

– А, это типа промо-акции, заманиваете клиента? – Володя широко улыбнулся. – А если я всего одну хочу и больше не появлюсь, – не удержался он от ненужного вопроса, – то акция не сработает?

– Ну, значит тогда хреновый из меня бизнесмен, – без улыбки сказал мужичок своим странным, бесцветным голосом, и жестом указал на приоткрытую дверь.

Они спустились в подвальчик. На удивление, здесь совсем не было насекомых, видно было, как они роились у открытой двери, но внутрь не залетали, как будто был включен фумигатор. Мужичок достал уже знакомый по рассказу Артема альбом.

До туалетной демонстрации Володя никогда и не помышлял о том, чтобы сделать тату. Но две страшные силы – красота и халява (особенно – халява) – побудили его всерьез обдумать такую возможность. И, идя сюда, Володя подготовился и уже представлял, что и на каком месте хочет набить. У него на ноге, на голени, еще с детских времен остался след от ожога. Играясь возле костра, он упал и горячей головней

довольно сильно ожег ногу, даже волдырь образовался. Со временем все, разумеется, зажило, но след остался – небольшое пятно белесой, как бы пергаментной кожи. Не сказать, чтобы оно как-то мешало жить, но, если есть возможность замаскировать его красивой (и бесплатной!) наклейкой, то почему бы и нет? Он и рисунок примерно представлял себе: какого-нибудь паука, да желательнее пострашнее – ему хотелось добавить своему облику толику брутальности.

Пауков оказалось тоже с десяток страниц. Он сразу остановился на большом мохнатом тарантуле. Он как-то видел его в аквариуме у знакомых и запомнил то смешанное ощущение красоты и жути, исходящее от раскинувшего мощные волосатые лапы, неподвижного паука.

Он ткнул пальцем в рисунок и закатал штанину, показывая на пятно, которое хотел замаскировать наклейкой. Мужичок кивнул, усадил Володю на ящик, уложил его ногу на другой, затем достал из тумбочки небольшую деревянную коробку, в которой оказались маленькие баночки и тонкие заостренные палочки, похожие на гигантские зубочистки. Сам уселся рядом на маленький складной стульчик.

– Куда ползет?

– Кто? – не понял Владимир.

– Паук. Вверх, вниз, влево, вправо?

И тут Володя вспомнил, где он уже слышал этот голос. Так разговаривал автомобильный навигатор в машине отца: «Через триста метров поверните направо...».

– Ну, пусть вверх смотрит, так, наверное, эффективнее будет. А что, это имеет какое–то значение?

– Все имеет значение, – мужичок кивнул и принялся за работу. Он не пользовался специальной машинкой, а работал деревянными палочками, окуная их в чернильницы и тут же быстрыми частыми ударами втыкая в кожу. Палочка в его руках ходила, как игла швейной машинки. Работая, он совсем не смотрел на образец, он вообще отложил свой альбом в сторону, как будто знал его досконально.

Было больно. Чтобы как-то отвлечься, Володя стал разглядывать узоры на склоненной перед ним спине мастера. Сперва в какофонии красок он не мог разобрать отдельные рисунки, так они все были переплетены, но, присмотревшись, стал разбирать и узнавать очертания. Вот стройной колонной маршируют древнеегипетские жрецы, как обычно нарочито плоские и повернутые строго одним боком к зрителю, а вот вокруг них обвивается уже объемная, покрытая разноцветными блестящими чешуйками змея, только что сползшая с могучего плеча воина племени маори. Вот изящные китайские иероглифы прядью волос стекают на окровавленный лоб Иисуса, а рядом Шива наблюдает своим третьим глазом за полетом белоголового орлана, словно только слетевшего с герба США. Вот показались было серп с молотом, но тут мастер шевельнул лопаткой, и атрибут советского прошлого исчез под русалочьим хвостом.

Но вот работа была завершена, и мастер, смазав рисунок

какой-то вонючей, бурой мазью, аккуратно его забинтовал.

– Два дня не мочить и не снимать.

В подвальчике было душно, и мастер вытер тыльной стороной ладони пот со лба. Володе вдруг стало жалко этого наивного дурачка. И кто его только надоумил так бизнес вести? Небось, какой-нибудь дерьмовой американской книжонки про маркетинг начитался, бедолага.

– Большое Вам спасибо! – он попрощался – Я наверняка скоро еще приду. Говорят, это дело затягивает, на одной татушке редко останавливаются, – соврал он, желая сделать мастеру приятное и обнадежить его.

– Всего хорошего, думаю, мы еще увидимся.

“Странно, что он не попросил меня держать язык за зубами, как Артема”, – подумал Владимир, шагая обратно.

Через два дня, вернувшись с занятий, он закрылся в своей комнате и аккуратно размотал бинт.

Паук смотрел прямо на него всеми своими четырьмя парами глаз. Он сидел, распластав по ноге четыре задние лапы, а передние поднял в угрожающей стойке. Мощные жвала были полураскрыты, готовые в любой момент вонзиться. Володя не сразу решился погладить собственную ногу, настолько страшен и реалистичен был рисунок.

– Да это же просто смешно! – он резко накрыл рисунок ладонью и с облегчением ощутил собственную прохладную кожу, а не шерстистое тело паука. Подтянув ногу поближе, он внимательно рассмотрел рисунок. Он был совершенен. Была

прорисована каждая ворсинка, каждая полосочка на спинке и лапках. Пятна от ожога и след простыл, настолько искусно оно было вписано в паучью жопу. Когда, на следующий день, он показал Артему, того аж передернуло:

– Бр-р-р... какую жуть набил! Но сделано классно, конечно! – с некоторой долей ревности он все же оценил паука.

Друзья решили больше никому не рассказывать о странном чудо-мастере – а то понаделают все, кому ни попадя. Пусть только у них двоих будет.

Вскоре им представился шанс явить свои новоприобретения миру – вместе с одноклассниками они отправились на пляж. Поехали на машине Артема. Сперва договорились ехать вчетвером с Ленкой и Мариной, но вездесущий Шуджаят пронюхал и довольно бесцеремонно напросился. Пришлось взять и его. Нахальный Носорог тут же ломанулся на переднее пассажирское сидение, вынудив Володю с девчонками сидеть на тесном заднем диване. Ехать было минут сорок, и всю дорогу Володя ощущал ногой упругое, горячее Ленкино бедро, едва прикрытое легким платьем, ощущал исходящий от нее легкий цветочный запах шампуня и какой-то косметики, и уже за одно это простил Черному Носорогу всю его бестактность и назойливость.

Приехали, припарковались. Не сразу, но нашли на многолюдном пляже свободное место и расстелили свои покрывала. Быстро скинули одежду и гурьбой бросились в воду.

Только Носорог, бодро разогнавшийся вместе с остальными, у самой кромки воды резко затормозил. Он, осторожно ступая, зашел по грудь и остановился. При этом у него на лице застыло такое подозрительное выражение, что замечающие его купающиеся старались незамедлительно убраться подальше. А Шуджаят просто-напросто не умел плавать. Хотя, возможно, брезгливые выражения лиц и имели под собой основания.

Обратно парни шли уже не спеша, аккуратно лавируя между повсеместно расстеленных покрывал и пледов. Не торопились намеренно, давая возможность всем желающим рассмотреть и оценить свои маленькие чернильные шедевры. Но на открытом, залитом солнцем пространстве их татушки затерялись, померкли и особого внимания окружающих не привлекли. Сами рисунки были небольшими, да и на пляже было полно парней и девчонок, украшенных более яркими и крупными наколками. Володя даже почувствовал некоторое разочарование. Однако Ленка, расположившаяся рядышком на своем пледе, паука разглядела и оценила. Ленка, отличница и веселушка, была, что называется, «на любителя»: высокая и сухощавая, с практически отсутствующей грудью, она обладала неожиданно широкими и крепкими бедрами и такими же крепкими и округлыми ягодицами, что в сочетании с тонкой, «осиной» талией придавало ей какой-то нереальный, мультяшный облик. Длинный, острый и прямой нос, насмешливые серые глаза, две смешные косич-

ки – Володя явно был тем самым любителем и, как ему иногда казалось, не без взаимности.

– О, какой злобный паучище! – она ткнула пальцем в рисунок и тут же с наигранным ужасом отдернула руку.

– Ну, сейчас он совсем не злой, скорее-напуганный – он же света не любит. Вот вечером, при свете луны, или ночника – вот тогда он реально впечатлит.

– Ага, а при свечах и в спальне вообще шокирует? – она весело рассмеялась, но в ее смехе, помимо сарказма, ему почудилось еще кое-что. Проскользнуло нечто такое, отчего настроение у него заметно улучшилось. Настолько, что ему пришлось незамедлительно перевернуться на живот, и продолжать беседу из менее удобного положения.

– И где такую красоту накалывают? Вон, и у Артемки тоже классная. Вы их в одном салоне, что ли делали? Я бы тоже от маленькой бабочки или пчелки не отказалась....

– Ну, это мы случайно попали, там у знакомых ребят один мастер заезжий был, сейчас уже уехал, – промямлил Володя, придерживаясь выбранной легенды.

– Ну и ладно, – легко оступилась Ленка, – шкурка целее будет.

Через неделю, надевая утром носки, Володя заметил какую-то крошку, прилипшую к ноге прямо у края татуировки. Он хотел было смахнуть ее, но безуспешно. Приглядев-шись, он увидел, что это не крошка, а кусочек того самого

пятна обожженной кожи, что так умело было замаскировано паучьим туловищем. Оно что, выросло? Абсурд какой-то. Впрочем, некогда тут размышлять, пора бежать на занятия, и так уже опаздывает.

Вечером он тщательно осмотрел ногу – все было как утром, прямо из мохнатой паучьей жопки торчало, словно хвостик или какашка, небольшое светлое пятнышко.

На следующее утро пятнышко еще немного выросло. И тут до него дошло: это не пятно растет – это паук пополз вверх! Его пробил озноб. Он тупо уставился на наколку. Паук в ответ смотрел на него всеми своими восемью честными глазами.

Через несколько дней наблюдений и замеров стало ясно, что мохнатая гадина днем сидит неподвижно, а каждую ночь перемещается на несколько сантиметров вверх по ноге. Когда Володя рассказал Артему, тот не поверил:

– Это что – как в сказке получается? Волшебник типа, волшебную татушку набил, и она ожила? Хрень какая-то! Может, тебе просто кажется? Чудес не бывает!

Володя молча закатал брючину. Артем помолчал немного, а потом выскользнул из аудитории прямо посреди лекции и вернулся через несколько минут, заметно повеселевшим.

– Не, у меня никуда не ползает, сидит где нарисовали, – шепотом сообщил он.

– Хорошо тебе, а я прям не знаю, что и делать? Хрен знает, куда он в итоге заползет, вдруг на лоб залезет? – попытался

пошутить Володя.

– У меня идея, – шепнул Артем через некоторое время и полез в телефон, – ща мы про твоего паука все в Яндексе узнаем.

Через несколько минут Володя услышал сбоку приглушенное похрюкивание. Повернувшись, он увидел покрасневшего Артема, изо всех сил пытающегося сдержать смех.

– Это тарантул, – немного успокоившись, зашептал Артем, – он по ночам охотится, а днем спит..., – его опять начал душить смех. Отдышавшись, он продолжил:

– А спит он в норе. Понял, куда он направляется? Берлогу себе искать! Норку!!! – его опять накрыла волна смеха. – Жди новосела!

Володя, глядя на приятеля, тоже не смог удержать смешок.

– А питается он знаешь, чем? Всякими кузнечиками, тараканами, а также гусеницами и маленькими змейками. Змейками, понимаешь?!!!! – тут Артема снова накрыло, да так громко, что Черный Носорог обернулся и зашипел на него.

– Все, все, – жестом успокоил его Артем, но как только староста отвернулся, продолжил:

– Представляешь, он закусит одноглазой змейкой, а что не доест – утащит в норку, – нанес он последний удар, утирая слезы.

Шутки шутками, а что-то надо было делать. Только что? Володя совершенно не представлял. Сходить к этому масте-

ру? Пусть объяснит, что это за паузьи бега? Надо будет на выходных зайти...

На другой день Артем уже не был таким веселым. Он ходил притихший, то и дело прикладывая руку к груди, к тому месту, где под рубашкой пряталась татуировка. По пути к дому на расспросы Володи Артем расстегнул рубашку. Кожа под рисунком покраснела и вспухла. Рак оказался как бы сидящим на кочке.

– Вечером чесаться начало, как будто прыщ или простуда лезет, а ночью болеть начало, и все больше и больше становится, – поморщился Артем.

Как ни подмывало Володю отомстить приятелю и пошутить на тему рака, свистящего на горе, но шутка завязла во рту – уж больно зловеще выглядела опухоль.

– Иди-ка ты к врачу, – вместо этого сказал Володя. – Прямо сейчас и иди, тут явно воспаление, не тяни.

На следующий день Артем на занятия не пришел. На мобильный тоже не отвечал. Уже вечером – звонок, дрожащий, тусклый голос:

– Привет, я в больнице. У меня саркома, операцию будут делать.

– О, Господи, а что такое саркома?

– Онкология, злокачественная опухоль! Понимаешь, рак! – трубка взвизгнула. – Этот хмыреньш мне рака набил – и вот, как говорится, получите и распишитесь!

Через несколько дней, как только разрешили посещения, Володя навестил друга. Артем, бледный, полусидел на специальной подъемной кровати. Его грудь была туго перетянута бинтом.

– Все, вырезали обоих моих раков, – грустно улыбнулся Артем. – Сказали, повезло еще, что вовремя обратился, метастазы не успели на ребра перекинуться. Говорят, что с какой-то дикой скоростью распространялось, они такой агрессивной саркомы еще не встречали, какая-то редкая мутация. Еще бы пару дней – и жопа! А так вроде все в порядке, полностью удалили. Прикинь, целый кусок мяса отрезали, даже ребро поскоблили, для верности – он скривился от боли, – теперь ни лечь, ни встать. Ладно, заживет, куда денуться. – Он попытался улыбнуться.

– Конечно, заживет, куда денется – ты молодой, мясо быстро нарастет. Через неделю-другую уже бегать будешь. В кафешку пойдем, мясо на ребрышках закажем. На ребрышках-то самое вкусное, правда? – не удержался от черного юмора Володя. – Татушку жаль, конечно – красивая была.

– Я тут подумал, наверное, это мне наказание за то, что я слово не сдержал, он же велел молчать, а я тебе разболтал. Вот и нагнал порчу.

– Да ладно, мистика какая-то получается. Скорее всего, он тебе инфекцию занес, или просто неудачно своей палочкой ткнул не в ту точку – и активировал какие-то процессы в организме.

– Тут без мистики точно не обошлось, взять хоть твою наколку. Паук-то все ползет, или остановился уже?

– Ползет, – грустно согласился Володя, – уже к колену подобрался. Пойду на днях на базу, пусть этот горе-мастер объяснит, что за херь происходит? И с тобой, и со мной.

– Сходи, только поаккуратней будь, не быкуй, а то и у тебя еще какая-нибудь паучья болезнь выползет.

– У вас есть претензии по качеству выполненной работы? – спросил татуировщик, выслушав эмоциональный рассказ Володи, почти не взглянув на предьявленную ногу.

– К качеству претензий нет, рисунки превосходные – ну, в смысле: моя – превосходная, – поправился он, – у друга-то ее уже нет.

– Я могу отвечать только за качество исполнения, а все, что случается после, происходит без моего ведома, и я к этому никакого отношения не имею.

– То есть, вы не объясните мне, что делать? Почему моя тату сама движется, куда движется? И как ее остановить? – Володя повысил голос.

– Про это мне ничего не известно, и я никому не могу давать советы, все решения каждый принимает самостоятельно, – с эмоциональностью навигатора отчеканил мастер, – и потом, вы же сами выбрали направление.

– Какое направление?! Я же просто выбрал расположение рисунка и все! Вы же не сказали, что он поползет!

– Возможно, вы поторопились. Может, не готовы были, может тату – это вообще не ваше, а может – и не тот рисунок выбрали. Но, как я уже говорил, я про это ничего не знаю, и не могу давать советы.

Мастер посмотрел на вытянувшееся Володино лицо, и, словно сжалившись, добавил: – «Хотя, возможно, другая татуировка может как-то повлиять на первую, – и мужичок вновь погрузился в чтение газеты.

Большого Володя добиться не смог. Он в задумчивости брел мимо контейнеров, где бойко кипела торговля, еле успевая уворачиваться от снующих погрузчиков и тележек с фруктами и овощами. Несколько раз он был обруган на азербайджанском, фарси и еще черт знает каком языке, но, погруженный в свои мысли, не обращал на это никакого внимания.

Он набрал Артема и рассказал о странном ответе мастера. В трубке задумались.

– Так, – начал рассуждать Артем, – одна тату может влиять на другую. Но как? Уничтожить? Или заставить остановиться? Или что-то еще? Очевидно, что без мистики здесь не обошлось, и пауком управляют какие-то неведомые силы. Может, надо узнать, чего боятся пауки, кто их враги? Погодь, я тебе сейчас перезвоню, – он отключился. Володя еще шел по территории базы, как раздался звонок:

– Вот, слушай, узнал у Яндексa: итак, все очень просто: тарантула может сожрать любое хищное насекомое или пти-

ца, большее по размеру. Но не набивать же рядом какую-нибудь ворону? Или большого паука. Ну, допустим, большой паук сожрет маленького, а дальше что? Потом биться с уже большим? А вот есть еще какая-то оса под названием Pepsis Grossa. Она жалит паука и парализует. Ее яд паука не убивает, он жив, но не способен сопротивляться. А потом она утаскивает обездвиженного и лишеного воли бедолагу в нору и откладывает прямо в него – живого! – яйцо. Из яйца вылупляется личинка, и изнутри заживо поедает несчастного. Заживо, прикинь! Прямо, фильм ужасов! Правда, опять какая-то нора присутствует..., – Артем хихикнул.

– Не, это не вариант, да и вообще, я не хочу избавляться от татушки, она красивая и совсем меня не беспокоит, не чешется и не болит. Пока, во всяком случае. А что, если его просто остановить?

– Как ты себе это представляешь?

– Не знаю, может набить кирпичную стену перед ним? Или колючую проволоку?

И тут Володя вспомнил, из какой-то детской книжки про путешествия, что бедуины в пустыне, останавливаясь на ночлег, укладывают вокруг себя веревку из верблюжьей шерсти, мол, пауки, змеи и прочая нечисть ее не выносят и никогда через нее не переползают! А веревка на ноге даже красиво смотреться будет.

– Я перезвоню!

Он почти бегом вернулся к подвальчику.

– Можете мне набить перед пауком веревку? Прямо вокруг ноги. Только нужна верблюжья. Обязательно – верблюжья! Я прочитал, что она может остановить паука. Как думаете, остановит?

– Не имею ни малейшего представления. А набить, конечно, смогу. Хоть, прямо сейчас.

– Давайте, набьем, спасибо.

– Хорошо, как говорится: «Воля ваша» – Володе показалось, что на бесстрастном лице мастера промелькнула усмешка – Но, вы помните, что, это уже будет не бесплатно?

– Да, я помню, и взял с собой деньги, сколько нужно?

– Деньги не нужны, нужна услуга.

– Что за услуга?

– Вы будете должны привести мне нового клиента.

– О, без проблем! На следующей неделе приведу, – воскликнул Володя, а про себя подумал: «какой-то чудной этот мастер, Артему велел молчать в тряпочку, а мне наоборот – клиентов приводить. Шизанутый какой-то, но мне так даже выгоднее, платить не придется».

– Хорошо, проходите. Уверен, Вы меня не обманете.

И, хотя у Володи на тот момент не было ни малейшего представления о том, кого он приведет, но он точно знал, что кого-нибудь да найдет, у него и не было и тени мысли, не исполнять данное обещание – пример Артема был достаточно убедителен.

Когда через два дня Володя снял бинт, он уже не удивился искусно выполненному рисунку. Веревка, свитая из нескольких ворсистых коричневатых нитей, опоясывала ногу прямо перед пауком, он едва не касался ее передними лапками – и была настолько реалистична, что казалось: потяни за бантик, пририсованный сбоку, и она развяжется.

«Что ж, утром увидим, сработает ли мой план», – подумал Володя, укладываясь спать. Обычно паук проползал за ночь пару сантиметров, а сейчас магическая веревка находилась прямо перед ним, и уже в первую же ночь станет понятно, остановит ли она его или нет.

Утром он первым делом осмотрел ногу – паук не перелез через преграду! Присмотревшись, Володя заметил, что передние лапы стали чуть короче, как будто он их положил на веревку, а их отрезало, словно гильотиной. Он даже расстроился – ведь если паука какая-то неведомая сила каждую ночь гонит вверх, а веревка и дальше будет делать ему обрезания, то скоро он совсем исчезнет, а Володе этого совсем не хотелось. Паук был красивый, и он уже начал к нему привыкать. Сидел бы спокойно, так нет же, ищет на свою мохнатую задницу приключений!

Но членистоногому путешественнику на месте не сиделось, и следующей ночью его лапки стали еще короче.

Вечером после занятий он поехал навестить Артема. Того уже выписали из больницы, но пока он сидел дома на диване, обложенный подушками, так как рана еще не зажила, и

каждое движение причиняло сильную боль.

– И какого бедолагу ты хочешь привести к этому шаману? – спросил он, когда Володя закончил свой рассказ. – Кого под танки бросишь?

– Блин, да я сам не знаю – Ленка вроде хотела, да приличных людей жалко подставлять, черт его знает, как их татухи себя поведут! А кого не жалко, я даже не знаю.

– А давай Черного Носорога отправим! Мне, например, вообще наплевать, как себя его татуха будет вести, такой жу-чара! – предложил вдруг Артем.

– Да ты его на пляже видел? Там шерстью все так заросло, никой татушки будет не разглядеть, – улыбнулся Володя.

– Ага, только если на лбу, – попытался хихикнуть Артем, но сразу скривился от боли.

– Да и лоб-то у него такой узкий! Что там набить-то можно? Шампур только, – заржал Володя. – Вот на носу – это да, там целое эпохальное полотно изобразить можно!

Артем укоризненно посмотрел на Володю и жестом попросил его перестать – мол, не видишь, что ли, не могу смеяться.

Шуджаят получил свое негласное прозвище Черный Носорог, так как... впрочем, вы и сами уже догадались. Личностью он был с одной стороны загадочной, а с другой – довольно простой, чтобы не сказать примитивной. Приехал он из одной из южных республик, гражданства РФ не имел, ни-

какими знаниями, даже в рамках средней школы, не обладал, по-русски говорил с чудовищным акцентом, и при всем при этом ухитрился оказаться на дневном отделении довольно престижного ВУЗа. Да еще и на бюджете. На расспросы Шуджаят что-то невнятно бормотал про какое-то межправительственное соглашение, но все сошлись во мнении, что тут не обошлось без мохнатой – причем во всех смыслах – лапы. На первом собрании группы нужно было выбрать старосту. Поскольку эта почетная должность ничего, кроме геморроя, не сулила, старостой быстренько избрали Шуджаята, который сперва нихрена не понял, а потом, когда до него дошло, каким важным начальником он стал.... Все просто диву дались, как власть, даже и мифическая, меняет людей. Особенно – неподготовленных. Было уморительно смотреть, как он медленно и важно вышагивает по аудитории во время перемены, заложив руки за спину – ну вылитый Иосиф Виссарионович, только трубки не хватает. Однако, как только в аудиторию заходил преподаватель, грозный староста превращался в невидимку и скрывался за спинами учащихся, благо это было не сложно – Черный Носорог был довольно компактен. Но, по правде сказать, и сами преподаватели не особо хотели его замечать и тем более вызывать к доске. Потому что вызванный отвечать староста тут же начисто забывал русский язык и начинал нести такую тарабарщину, что преподавателю только и оставалось, что отпускать горе-ученика и ставить ему зачет или тройку. Зато на письменных экзаме-

нах и зачетах Носорог был хорош – он виртуозно пользовался шпаргалками.

Если на первом семестре всем было забавно смотреть на маленького, чванливого и косноязычного старосту, то со временем все привыкли, и его напыщенный вид уже не вызывал ухмылок, это воспринималось как данность. Хотя он по-прежнему чудовищно коверкал слова, его манера говорить неторопливо, понизив голос, заставляла собеседников прислушиваться. И постепенно слово «староста» стали произносить без усмешки.

Помимо неумения плавать, он ни разу в жизни не стоял на лыжах и никогда не ездил на велосипеде. Наверняка он обладал целым набором других, гораздо более полезных навыков, но возможности применить их в городских условиях ему так и не представилось. Впрочем, назвать его неприспособленным к городской жизни все же было нельзя. Он быстро разобрался, кто из студентов может быть для него полезен, и ловко этим пользовался. Артема, как мы уже видели, он иногда пытался использовать, как транспортное средство. Ленку – отличницу, уговаривал помочь с курсовиком. Пронюхав, что у Марины тетка работает кассиром в театре, и иногда проводит племянницу на спектакли, тут же принялся клянчить контрамарку и для себя. Марина, сперва удивилась: меньше всего на свете Шуджаят походил на театраля. Поначалу она отнекивалась, и всячески пыталась объяснить, что ей и для самой себя-то неудобно напрягать тетуш-

ку, но Носорог не отступал, и, в конце концов, добился своего. Когда, в очередной раз, тетка вручила ей две контрамарки на антрепризный спектакль – выступал один из Московских театров, и в постановке было задействовано несколько именитых актеров – она, вместо того, чтобы взять с собой, как обычно, Ленку, вручила один билет Шуджаяту. Каково же было ее удивление, когда на соседнее кресло, вместо Носорога, уселся какой-то незнакомый толстяк. Когда, на следующий день, она попыталась отчитать Носорога: мол, что это ты так упрашивал, а сам не пошел, тот что-то невнятно, но высокомерно пробубнил. Смысл быт таков «что, мол, не твое дело, почему я не пошел». Однако, заметив потемневшее Маринино лицо, спохватился, что перегнул палку, и уже более внятно объяснил, что, мол, надо было «карошиму чилафеку пириятное сиделат».

Вот таким бесцеремонным и нахальным попрошайкой, сделался, скромный поначалу староста. При этом свои просьбы он умудрялся обставлять таким образом, что получалось, как будто это он, Шуджаят, делает одолжение, соглашаясь принять помощь.

– Я буду тэбе пиризынатэльным – говаривал он с таким видом, что у собеседника тут же возникало ощущение, что он оказывает услугу очень влиятельному человеку, и этот человек потом обязательно его отблагодарит, да еще с торицей.

Однажды ему на товарную станцию пришла из дома посылка с фруктами. Тратиться на такси Шуджаят не захотел и

упросил Володю помочь с доставкой, за что обещал угостить его «волшебными плодами, вкуснее которых он никогда «не кюшяль». Ящик весил килограммов сорок, и, когда они дотащили его до общаги, Володя еле переставлял ноги. В качестве «волшебных плодов» жадный Носорог вручил ему один слегка помятый гранат, который по вкусу ничем не отличался от тех, что продавались в каждом ларьке.

Так что Шуджаят был первым и на данный момент единственным кандидатом для жертвоприношения татуировщику.

– Думаю, я его на раз уговорю, он от халявы не откажется. И мне пофиг, найдется на его шкуре место для тату или нет. Хоть на жопе пусть набивает! Сказано было привести – вот, пожалуйста, мы в расчете.

Володин расчет оправдался. Услышав магическое слово «бесплатно», Носорог тут же согласился, и в субботу они встретились у входа на базу. Когда мастер увидел Шуджаята, по его обычно бесстрастному лицу промелькнула тень досады. Буквально на мгновение, но Володя заметил и удивился.

– Добрый день, вот привел Вам клиента.

– К сожалению, я не смогу сделать татуировку этому молодому человеку, он не подходит.

– Что значит, не подходит, почему? Вы мне сказали..., – начал он, но сразу осекся.

– Это частное заведение, и Вам может быть отказано без объяснения причин, – отчеканил татуировщик.

«Ай да заведение! Ты бы хоть вывеску тогда повесил», – только и успел подумать Володя, но тут возмутился «клиент»:

– Э, паслющай... – высокомерно начал было Черный Носорог – он даже с Володей, который был выше его на целую голову, умудрялся разговаривать свысока, а мужичок вообще был с ним одного роста, так что... но мастер коротко взглянул на него, и тот как-то сразу сдулся и послушно развел руки, соглашаясь. – Нью дя, навэрна мне низя дэлать накольки, к тому жи и Коран заприщайть.

“Ага, вспомнил! Коран так-то и спиртное запрещает, а вискарь хлещешь за милую душу, особенно когда угощают”, – подумал Володя, но вслух сказал:

– Очень жаль, я и не думал, что здесь могут отказать, извини, я ж хотел тебе услугу оказать.

– Э, ладана, я пощель, у миня ище минога дель, пайду к землякам зайду, ани тута рядом работают – Шуджяят развернулся и побрел восвояси. Володю с собой не позвал, что было очень кстати, поскольку нужно было еще прояснить у мастера некоторые моменты:

– Ну, так мы в расчете? – повернулся он к мастеру, едва спина Носорога скрылась за поворотом – Я же привел клиента, как обещал, а то, что он Вам не подошел, так это не мои проблемы, верно? А почему, кстати, он не подошел?

– Я рассчитывал, что вы не его приведете...

«Как это рассчитывал? Откуда он вообще мог знать: кого

я собираюсь привести? Он что, мысли мои читал? Хотя этот типчик походу и не такое может», – только успел подумать Володя, как мастер, словно спохватившись, добавил:

– Вы правы, я не вполне конкретно сформулировал задачу. Поэтому не смею настаивать, чтобы Вы привели другого, подходящего клиента. Можете никого более не приводить. Правда, я считаю, что раз татуировка не сделана, то и клиента не было, и наш договор не выполнен. Но Вы можете не обращать на это внимание. Всего Вам доброго, – и мастер развернул свою газетку.

«Ага! Не обращать внимания! А потом у меня хрен отвалится или рога вырастут?» – воскликнул про себя Володя, а вслух сказал:

– Ну нет, давайте уж сделаем так, чтобы Вы остались удовлетворены. Только уточните, пожалуйста, кого конкретно я должен привести?

– На этот раз можете приводить кого угодно. Без всяких условий. И наш договор будет исполнен. А поскольку тут есть моя вина, в качестве компенсации я сделаю Вам еще одно тату бесплатно. Если захотите, конечно.

На том и распрощались. Возвращаясь, Володя начал перебирать в голове возможных кандидатов. И сразу всплыла Ленка. Она же сама хотела...

«Да ладно, ее-то зачем в блудняк вводить? Она-то что тебе плохого сделала?»

«А почему сразу в блудняк? Она девочка, и всякую агрес-

сивную ерунду вроде раков и пауков колоть не станет. Ну, ромашку или бабочку набьет. Что они плохого смогут сделать? Ромашка завянет, а бабочка улетит? И с чего бы вообще должно что-нибудь случиться? У нас с Артемом своя история: он обманул, и за это поплатился. А я просто не то выбрал, и, похоже, скоро совсем лишусь – вон у паука пол-головы уже отчихало. А Ленка – она хорошая и добрая, и наверняка наколка ей если что и надумает сделать, то только хорошее. Может, она вообще поможет ей с красным дипломом институт окончить?» – пытался уговорить себя Володя. Но все равно понимал, что эта идея плохая и рискованная. И подленькая, если уж совсем начистоту. И тут его осенило: он же должен просто привести потенциального клиента, а дальнейшее его не касается! Он просто приведет Ленку, как бы на экскурсию. Пусть она эту папку полистает, а потом просто уйдет, скажет, что подумает, посоветуется с подругами и т. д. – и все, они квиты! А тату он не позволит ей набить. Ни за что!

Когда он предложил провести выходной вместе, Ленка согласилась сразу. До этого дня Володя не когда не оставался с ней наедине, их общение всегда проходило в компании, и он немного волновался: ведь, фактически, он назначил свидание, и потому нес ответственность за организацию совместного досуга. До этого, постоянной девушки у него не было, все общение с прекрасным полом происходило спонтанно:

на вечеринках или клубях, и заранее он никогда ничего не планировал – все случилось (или – не случилось) само – собой. Сейчас, ситуация была иной, и он составил простенький, но вполне рабочий план мероприятий: сначала прогулка в парке, затем – перекус в какой-нибудь кафешке, а потом уже, если он сумеет заинтересовать Ленку, экскурсия на овощебазу.

Они встретились у входа в парк. Опасения Володи по поводу возможной неловкости из-за «официального» статуса свидания, не оправдались: уже с первых минут между ними установилась легкая, непринужденная атмосфера. В основном, благодаря Ленке: она обладала редкой врожденной способностью к общению. Со всеми, даже с самыми замкнутыми и нелюдимыми, а то и вовсе незнакомыми людьми, она легко могла найти общий язык, интуитивно и безошибочно угадывая настрой собеседника. Она быстро определяла интересные собеседника темы, и ловко направляла беседы в нужное русло, позволяя тому высказаться. Еще одним несомненным достоинством (нечасто встречающимся у прекрасного пола) было то, что она умела слушать. Был ли такой интерес к другим людям искренним, или это была просто манера поведения – это уже другой вопрос, но собеседники неизменно оказывались очарованными. Вот и сейчас, Володя просто диву давался, насколько они оказывается схожи. Они болтали обо всем, оказалось, что они могут говорить вообще, о чем угодно, каждому было что сказать, и при этом

их мнения почти всегда совпадали, касалось ли это моды, политики, литературы или еды.

Время на прогулке пролетело незаметно, и можно было уже задуматься и о еде...

Неподалеку от парка открылся новый ресторан, и Володя предложил зайти перекусить. Ресторан располагался на первом этаже солидного, старинной постройки, только отреставрированного здания, и с улицы выглядел весьма респектабельно.

– Он, наверное, очень дорогой, – заметила Ленка, – а с денежкой у меня сейчас не ахти.

– Да не парься, я же приглашаю – мне и платить.

– Ой, смотри, разоришься! Я прожорливая, – рассмеялась Ленка.

– Прорвемся! Я состоятельный кавалер, – подмигнул Володя и смело потянул массивную, с бронзовой ручкой, дверь.

Внутри ресторан выглядел еще пафосней, чем снаружи. При первом же взгляде на метнувшегося к ним услужливого, разодетого в ливрею гардеробщика Володя с тревогой подумал, что, пожалуй, Ленка была права, но пути назад уже не было. А когда раскрыл тяжелую, из тисненой телячьей кожи папку меню, то понял, что Ленка тоже ошиблась: ресторан оказался не просто дорогой, а неприлично дорогой. Уже на первых страницах с салатами и холодными закусками «состоятельный кавалер» понял, что бюджета хватит только на пару самых простеньких салатиков да чайничек чая. Он ли-

хорадожно обдумывал как, не потеряв лицо, в первую очередь перед своей спутницей, выйти из этого унижительного положения. Но в голову ничего не лезло.

Помощь пришла откуда не ждали. Ленка с шумом захлопнула меню и заявила – достаточно громко, чтобы было слышно официанту, хищно и подобострастно изготовившемуся поодаль напасть и пустить по миру бедного студента:

– Пошли отсюда, Володя! Ты эти цены видел?! Не смей ничего заказывать! Я здесь ничего здесь есть не стану! Столько платить – себя не уважать! – с этими словами она встала и, резко повернувшись крутым бедром, едва не опрокинув стул, – хорошо, официант успел подскочить – направилась к выходу.

«Извини, что тут поделать, видишь какая вздорная баба? Я бы, конечно, покушал у вас, но ...», – разведя руки, жестами показал Володя обескураженному халдею и устремился вслед за своей спасительницей.

И, идя вслед за двумя гневно топорщащимися косичками, Володя понял, что влюбился окончательно.

А потом был уютный подвальчик с домашней грузинской кухней, с вкуснейшим хачапури и запотевшим кувшинчиком вина и с бульоном из хинкалины, пролитым неумелой Ленкой прямо себе на коленку.

И только когда они, отдуваясь и хохоча, вышли обратно на улицу, он вспомнил о главной цели сегодняшнего мероприятия.

– Помнишь, ты хотела татушку сделать? Тогда, на пляже.

– Ну, не то, чтобы прям хотела, так, показалось тогда забавным. Так ты сказал, что мастер уже уехал?

– Ну да, тогда уехал, а сейчас, вроде, вернулся. Я хочу тебя на экскурсию сводить, просто посмотришь, какие интересные рисунки бывают. Просто посмотришь, колоть ничего не будешь. Тут недалеко, пойдём?

– Пойдем, конечно.

– Только как придем, ты скажи, что хочешь себе сделать, а то он просто так смотреть не даст. А посмотришь, скажешь, что прямо сейчас не готова, надо подумать, всякое такое, и пойдём. А набивать ничего не будешь. ОК?

– ОК. Без проблем, – она взяла его под руку. – Веди меня, мой экскурсовод!

Как и ожидалось, мужичок сидел на том же ящике и читал, похоже, ту же самую газету.

– Здравствуйте, вот привел Вам нового клиента, – поздоровался Володя.

Мужичок оторвался от газеты и поздоровался в ответ. Он быстро окинул Ленку взглядом, а потом пристально посмотрел и на него. Укоризненно посмотрел, показалось Володе. Впрочем, это он сам для себя так решил, что укоризненно – по бесстрастному лицу мастера ничего понять было невозможно. Мужичок отложил газету, поднялся с ящика и жестом указал Ленке на дверь в подвальчик. Та начала спус-

каться. Володя последовал было за ней, но мастер рукой преградил ему путь: только клиент, без сопровождающих.

– Лена, помни, о чем..., – начал он было вслед, но тут же осекся под пристальным взглядом из-под густых белесых бровей.

Мужичок спустился следом за Ленкой и закрыл за собой дверь. Володя остался один. Уже начинало смеркаться, и жизнь на базе замирала. Торговцы закрывали свои контейнеры и ларьки, убирали лотки с фруктами и громко и весело переговаривались на непонятных Володе, языках. Они радовались завершению трудового дня. А вот Володе было совсем не радостно. Он ощущал себя предателем. От соседнего ангара его окликнул продавец и жестом указал на ящик с какими-то фруктами, похоже, сливами – мол, угощайся. Но Володя только покачал головой, ему было не до фруктов. Продавец махнул рукой, закрыл ангар и ушел, оставив ящик с некондицией прямо у ворот. Вскоре Володя заметил, как из подступающей синевы к ящику скользнула тень. Крыса.

«Вот и ты такая же крыса, – мрачно думал он, – крыса и трус: подставил ни в чем не повинную девчонку, да еще так подленько, чтобы свою жопу прикрыть!»

«Да, что ты нагоняешь, ничего страшного не случится, вы ведь договорились, что ничего колоть она себе не даст, только посмотрит, она же обещала, а она толковая, все хорошо будет», – уговаривал он себя, расхаживая возле закрытой двери и отмахиваясь оставленной мастером газеткой от пол-

чищ комаров, вышедших на ночную смену вместо ос с мухами. Но чем больше убеждал себя Володя, тем сильнее росла уверенность, что ничего хорошего не будет. Нужно срочно спасать Ленку! Он рванулся к двери, но та оказалась заперта изнутри. Тогда он хотел закричать, заколотить кулаками в дверь, но крик завяз во рту, а руки ватно обвисли вдоль туловища. Ноги тоже стали ватными, и он, как куль, тяжело опустился на ящик. Так он просидел с полчаса. Сумерки сгустились. Он видел другие тени, скачками спешащие к ящику с фруктами, слышал противный визг дерущихся крыс. Он швырнул в них камнем, но шум стих только на несколько секунд, а потом возобновился с новой силой. Но вот послышался лязг щеколды, и дверь отворилась. Хлынувший свет мгновенно разогнал крыс.

Ленка возникла в потоке света, и едва разглядев в темноте Володю, кинулась к нему, веселая и возбужденная.

– Ну вот! Вашего с Артемом полку прибыло! – выпалила она. – Теперь и я разукрасилась!

– Зачем?! Я же говорил тебе! В смысле, мы же договорились, что ты только посмотришь! – с досадой воскликнул Володя.

– Да как-то само получилось, я и не собиралась, но он такую классную пчелку показал, что я тут же решила, – ответила Ленка, явно удивленная такой излишней Володиной эмоциональностью. – А что тут такого? Ну, сделала на лопатке маленькую татушку. Вон, каждый второй себе делает.

– Да нет, все нормально, – тут же сбавил обороты Володя, – просто неожиданно как-то.

– Странный ты. Ну да ладно, пошли уже, а то вон темень какая, – она взяла его под руку, – провожай меня теперь до дому, а то я боюсь, – хихикнула она.

– Ну, рассказывай, как было? Он тебе сам пчелу предложил?

– Нет, он просто папку такую толстенную дал, я открыла где-то посередине, и она сразу в глаза бросилась. Я вообще-то хотела бабочек посмотреть. Только посмотреть... И это даже не пчелка, а какой-то муравей с крылышками. Но такой прикольный! И, представляешь, – только чур не смейся – мне показалось, что он мне подмигнул! Муравей! И я сразу поняла – это то, что мне и надо, я даже больше смотреть ничего не стала. Так захотелось тут же набить. Я спросила, сколько стоит, а он сказал, что бесплатно сделает, по дружбе. Прикинь? Ну, и я, конечно, согласилась. А он твой друг, что ли?

– Ну так, знакомый. Рисунок-то, когда покажешь?

– Ну-у-у, когда-когда? Вот купаться поедem в следующий раз, тогда и увидишь.

– Так уж осень на носу, какое купаться? На следующий год только...

– Ну, значит, на следующий год...

– Послушай, так нечестно... – начал было, Володя, но Ленка плотнее прижалась к его руке, и он замолчал, вполне

удовлетворенный таким ответом.

Они были так увлечены друг другом, что совсем забыли про мужичка – и даже не попрощались с ним, – который вышел из подвальчика и стоял в пятне света, глядя им вслед. А над его головой на почтительном расстоянии вилась комариная туча.

На следующее утро, осматривая ногу – обязательный ритуал – он увидел две черные черточки, появившиеся с другой стороны веревки. Он сразу узнал фрагменты передних паучьих лап и все понял. Никто паука не резал, хитрая тварь просто проползала под веревкой! Защита не сработала.

Володя испытывал двойкие чувства: с одной стороны, он почти паниковал из-за того, что паука остановить не удалось, и можно теперь только гадать, куда он направляется, и где в итоге остановится. И остановится ли вообще? С другой стороны, он был рад, что наколка оставалась с ним, он уже свикся с ней, она становилось его частью, такой, как родинки или веснушки.

Через неделю паук целиком оказался по ту сторону веревки и, целый и невредимый, продолжил свое движение вверх. Володя внимательно следил, стараясь предугадать его маршрут. И к большому своему облегчению заметил, что мохнатый путешественник движется строго по прямой. Если бы он выбрал предсказанный Артемом (и крайне нежелательный) маршрут, то ему пора было уже начинать смещаться вправо.

Он мысленно прочертил линию, и выходило, что, если паук так пойдет и дальше, то упрется где-то в подмышку. Все полнее.

Артем между тем вернулся к учебе. Он пришел туго затянутый в специальный корсет, немного скособоченный, но в целом выглядел уже неплохо. На первой же перемене Володя предложил никому не рассказывать о том, что с ним приключилось на самом деле, Артем согласился, и в официальной версии значилось, что ему просто вырезали жировик.

На обратном пути по дороге к метро Володя все, без утайки, рассказал Артему. И про неудачу с Шуджятом, и про его хитрый план с Ленкой, и про то, как все в итоге обернулось.

– Прикинь, взяла и сделала! А я же говорил ей, чтобы даже и не думала, да разве этих баб поймешь! – сокрушался Володя. Ответ друга его озадачил:

– Ну, ты и жук! Хотя, в твоём случае, скорее паук, – неожиданно резко отреагировал Артем, – девчонкой прикрылся! Ты же знал, что этот хмырь все равно ее заставит. Я-то даже и не думал о татухах никогда, и вон что вышло. А у Ленки вообще никаких шансов не было. Да уж, удивил ты меня, дружок, я-то думал, что тебе Ленка нравится...

Что-то стукнуло Володю чуть ниже сердца. Холодный туман ненависти медленно поднялся откуда-то снизу. Артем еще продолжал говорить, но Володя уже не слышал. Он понимал, что Артем абсолютно прав и имеет полное право ему это высказывать, на то и нужны друзья, но он смотрел на сер-

дитое лицо друга, а в голове неторопливо ворочалась одна только мысль: как бы заставить того замолкнуть. Это не была злость или раздражение, он будто просто получил приказ, задание, которое нужно выполнить... Он втянул голову, руки его напряглись. Артем прочитал это на его лице и отшатнулся. И тут же морок спал:

– Да я прекрасно понимаю, что облажался, ты не представляешь, как я сам мучаюсь, молюсь всем богам, чтобы ничего плохого с ней не случилось. Может, в церковь сходить? Свечку за Ленку поставить?

– Ты за себя поставь – уж точно не помешает.

После той памятной экскурсии отношения Володи с Ленкой перешли на новый уровень. Он проводил ее до парадной, и она на прощание чмокнула его в щеку, слегка уколов острым носиком. Он начал скучать уже по пути к метро. И судя по тому, как радостно рванулась к нему Ленка на следующее утро в аудитории, его чувства были взаимны. Они стали проводить вместе все больше времени, все чаще Артем был вынужден ехать домой в одиночестве.

Шло время, Володя все больше сближался с Ленкой, все больше отдалялся от Артема, паук все также неторопливо полз вверх, пока не остановился в районе сердца. И вот уже несколько дней сидел неподвижно. Решил обосноваться или просто набирался сил перед новым марш-броском?

Володя избегал разговоров о тату, Ленка тоже не особо

распространялась, но эта тема неизбежно должна была возникнуть. Неумолимо приближался момент, когда они должны будут увидеть тату друг друга. И отнюдь не на пляже. И если Ленкин муравей или пчела Володю не особо интересовал – его занимали совсем другие Ленкины «украшения», – то как быть с собственным пауком? Ведь Ленка его видела сидящим на голени. И как объяснить такое перемещение? И что за веревка на ноге появилась? И когда? Он решил, что откроет всю правду, только скажет, что произошло это уже после того, как Ленка сделала наколку, мол, до этого все было в норме. Надо только Артема предупредить, чтобы не проболтался ненароком.

Ленка лежала на животе, уткнувшись в подушку. Она часто дышала, на пояснице блестели капельки пота, по телу еще пробегала дрожь. Он погладил упругую попку, затем провел ладонью по прохладной от испарины спине и совсем не сразу обратил внимание на маленькую черную татушку, приютившуюся на лопатке. Рисунок, разумеется, был выполнен мастерски, но сам персонаж показался ему странным и совсем не красивым, даже удивительно, что он смог так понравиться Ленке – хотя, он уже знал, что не странного во всем, что связано с этим татуировщиком просто не существует, – какая-то несуразная помесь пчелы и муравья, вытянутая, с нелепыми оранжевыми крылышками. Он не стал высказывать свое мнение, какой смысл – ведь уже не пере-

делать, зачем зазря огорчать человека? К тому же, его мнения и не спрашивали. Он наклонился и поцеловал рисунок. И почувствовал, как что-то кольнуло его в язык. Как будто волосок торчал. Он провел рукой – кожа была абсолютно гладкой. Тут Ленка перевернулась, обхватила его бока своими шикарными бедрами, и, обвив руками шею, впилась в его губы таким сочным поцелуем, что он тут же позабыл и о татушке, – и обо всем на свете.

Они стали неразлучны. Он встречал ее утром у дома и провожал до квартиры уже поздно вечером. На лекциях сидели рядышком, на переменах – вместе, обедали в студенческой столовой за одним столиком.

– Как это вы еще в туалет ходите по отдельности? – саркастически ухмылялся Артем. Они только смеялись в ответ. Он предложил переехать к нему – у него была отдельная комната, и родители вроде не возражали, но она отказывалась.

– Папа не поймет, ты же знаешь какой он. – У Ленкиного отца была весьма редкая профессия – он был священником. Самым настоящим, и имел какой-то значимый церковный сан. Он даже вел авторскую передачу на одном православном телеканале, но в основном занимался различными хозяйственными делами РПЦ и даже летал по церковным делам, то в Стамбул, то в Дамаск, а однажды, в составе делегации, – вообще в Ватикан, на встречу с Папой.

– Ну, потом, я его, конечно, уговорю, он у меня не ретроград какой-нибудь. Но позже – меня устраивает гостевой ва-

риант – говорила она, целуя – пока устраивает.

Погожим осенним деньком они гуляли по парку – они любили этот парк, где началась химия между ними, любили бродить, взявшись за руки, по аллеям, кормили уток, катались на колесе обозрения. Нагуляв аппетит, они направились к уже полюбившемуся им грузинскому кафе. Проходя мимо того самого, дорожущего ресторана Ленка вдруг как-то странно глянула на Володю и спросила самым беспечным тоном:

– А интересно все-таки, как там кормят? Судя по ценам, должно быть просто волшебю... .

Хоть Володя и был всего-навсего бедным студентом, кое-какие сбережения у него имелись. Они с Артемом вечерами подрабатывали в ресторанных двориках. Как и все пацаны, он мечтал о собственной тачке и целенаправленно копил. Он завел себе специальную дебетовую карту, куда переводил каждую заработанную копеечку. За три года он уже скопил некую сумму. На машину еще не хватало, но отец обещал добавить, и его мечта уже начала помаленьку принимать вполне реальные приземистые очертания семилетнего БМВ. Еще с полгодика....

Карту эту он раньше никогда не выносил из дома – от соблазна подальше –, у него была другая для повседневных трат, но в последнее время, после сближения с Ленкой, стал брать с собой. Он ей не пользовался, но она придавала ему уверенности.

Официант их узнал, и на его физиономии появилась удивленно-саркастическая усмешка.

«А что это вдруг случилось? Как это вы снизошли до нас?» – как бы вопрошал он.

«Да, вот еле уговорил», – ответным жестом показал Володя.

Они уселись за столик, и официант притащил меню. Однако Ленка, даже не раскрыв его, поинтересовалась:

– Я бы хотела выпить бокал красного сухого вина, что можете порекомендовать?

– О! – халдей подошел ближе и наклонился, понизив голос, – у нас есть неплохое калифорнийское, недавно получили. Прямо оттуда. – Сказано это было с таким заговорщицким видом, словно он им толкал кокаин. – Сами понимаете, со всеми этими санкциями, логистика, конечно, подороже стала, но вино превосходное. Только вот, к сожалению, оно не подается бокалами, только бутылками, – хищно осклабился он.

– ОК, давайте бутылку. Ты ведь мне поможешь? – улыбнулась она Володе, и тому оставалось только кивнуть.

– Что к вину предложите? – по-прежнему не раскрывая меню, осведомилась Ленка.

У халдея загорелся глаз:

– Ну, к этому вину отлично подойдет хамон, он у нас испанский, Иберико. Или могу порекомендовать тартар из говядины с грибной эмульсией и чипсами из топинамбура, он

великолепно сочетается именно с калифорнийским.

– Что ж, давайте тартар, раз уж Вы рекомендуете. А насчет горячего что скажете?

– Ну тут, я бы Вам однозначно порекомендовал каре новозеландского ягненка, – в конец распоясался официант. Он скосил глаз на Володю, и убедившись по его лицу в своей безопасности, продолжил:

– Ну и на десерт хочу, чтобы Вы всенепременно отведали наш фирменный милфей с ягодами. Пальчики оближете!

Ленка кивнула, и официант вопросительно повернулся к Володе: – А Вы чего желаете?

– Я не голоден, салат какой-нибудь, на Ваше усмотрение, – так же, не раскрывая меню, равнодушно бросил Володя.

Они вышли на улицу. Накрапывал дождик. Он раскрыл над Ленкой зонт, и они, не торопясь, пошли по осенним улицам. Его заветная мечта – автомобиль отодвинулась как минимум на месяц, но ему было все равно. Он поглядывал на порозовевшее от вина Ленкино лицо, слушал ее возбужденную речь, а на все остальное ему было наплевать.

– Ну, что, поедем ко мне?

– Слушай, но у тебя же родители дома, мне все время как-то неудобно. И стены такие тонкие, каждый шорох слышен, даже не расслабиться, не дать волю чувствам, – прижавшись к нему, хихикнула Ленка, – может комнату или квартиру снять? И вместе бы тогда и жили. Что думаешь? Где-нибудь поближе к институту. А?

– Поищем, – безропотно согласился Володя.

Поиски жилья затянулись. Поначалу Володя смотрел жилье эконом-сегмента, какое он мог бы себе позволить. Если честно, то на данный момент он и этого не мог себе позволить, не залезая в «кубышку». Но это его не смущало – во время походов на овощебазу он неоднократно замечал объявления, что требуются ночные грузчики. Дело в том, что большим фурам ездить днем по городу запрещалось. Для этого нужно получать специальные пропуска, а это было непросто и довольно дорого. Поэтому фуры с овощами и фруктами приезжали поздно вечером, чтобы ночью разгрузиться и уехать, не дожидаясь утра, и не терять целый день, простаивая на базе. И грузчики на ночную работу требовались регулярно. Так что он будет подрабатывать ночами, и этого как раз хватит на оплату жилья. Но все подобранные «бюджетные» варианты Ленку не устроили. Обычно скромная и совсем не капризная Ленка вдруг стала очень разборчивой и забраковывала одну квартиру за другой. То слишком далеко от института, то вид из окна не тот, то в подъезде намусорено. Володя начал искать варианты в более высоком ценовом диапазоне, и, наконец, приемлемый вариант был найден. Несмотря на то, что приглянувшаяся Ленке квартира оказалась вдвое дороже, чем рассчитывал Володя, он согласился. Он уже устал от поисков и хотел только одного – быть с Ленкой наедине.

По условиям договора нужно было предварительно внести оплату за два месяца, и Володя вновь был вынужден тратить «автомобильные» деньги. «Не беда, потом наверстаем как-нибудь. Да и вообще, ни к чему так заикливаться на машине. Вон, у Артемки хоть и есть тачка, а он на ней в институт почти и не ездит – вечные пробки в центре, да и с парковкой проблемы, куда приятнее пройти после занятий по городу, зайти в кафешку или пивка тяпнуть».

Впрочем, у Володи больше не было возможности не торопясь прогуливаться. После занятий он ехал домой, поспать пару часиков, а потом – на базу, на работу. А утром, не заезжая домой – напрямик в институт. Он переодевался в туалете, наскоро ополаскивался над умывальником и бегом в аудиторию, где частенько засыпал прямо посреди лекции. Артем, от которого у Володи секретов не было, был в курсе всего происходящего и несколько раз пытался вразумить друга. В один из нечестных дней, когда Володе не нужно было в ночную смену, и они вместе с Артемом не спеша возвращались с занятий – Ленка с подружкой поехали по магазинам, – Артем начал разговор:

– Ну посмотри, что ты делаешь: ты тратишь кучу денег на эту квартиру, а сам в ней почти не ночуешь. У тебя раньше хватало времени и на учебу, и на наши вечерние подработки, и на личную жизнь. А теперь что? Ты с Леной проводишь сейчас даже меньше времени, чем когда вы жили отдельно. А ее это, по-видимому, вполне устраивает, она из тебя ве-

ревки вьет, как ты не замечаешь?

Володя ощутил уже привычную холодную волну. В последнее время она все чаще накатывала на него, и он научился скрывать приливы ненависти. Он убрал руки в карманы, чтобы скрыть сжавшиеся кулаки, молча уставился на Артема, и тот невольно отвел взгляд.

– Да ладно тебе нагнетать, все в порядке будет, вот увидишь, – он похлопал приятеля по плечу, как только приступ прошел.

– Не знаю, в каком порядке, – не отступал Артем, – ты сильно изменился в последнее время. Даже внешне. Вон взгляд какой стал – аж мурашки по коже. Слушай, а может это твой паук на тебя так влияет? Ладно, ладно, все, молчу, а то опять смотришь, будто ударить хочешь. Хотя я бы на твоём месте к этому хмырю еще разок сходил, порасспрашивал, мало ли что?

Несколько минут они молча шли рядом. Когда дошли до дома, где Володя снимал квартиру, прощаясь, Артем сделал еще попытку:

– А что у тебя с учебой? У тебя хвосты – почти по всем дисциплинам. Остался-то последний семестр, и всё! Получишь диплом – и хоть уработайся потом, дотянуть надо, понимаешь? Ведь пять лет потратил, неужели не жалко?

Но все увещевания друга не оказывали на Володю никакого воздействия. Его полностью устраивала его нынешняя жизнь, и ничего менять в ней он не собирался.

Ночная работа грузчиком, пусть тяжелая и, по началу, не особо хорошо оплачиваемая, пришлась ему по вкусу. В первую ночь, он, конечно, вымотался, и весь день потом ходил сонный и вялый. Несколько дней ныло все тело, не привыкшее к такой нагрузке, но постепенно он втянулся, и перешел на новый режим, более того – он заметил, что ночью стал гораздо более активным, чем днем, был полон сил и энергии. Зато днем организм компенсировал ночную активность, он пребывал в вялом, заторможенном состоянии, словно в полусне. – «Словно тарантул, я становлюсь ночным охотником» – усмехнулся он про себя, не осознавая, насколько близок к истине.

Несложные премудрости грузчикского мастерства он также освоил без проблем.

Бригады на разгрузку собирались разношерстные. Многие появлялись от случая к случаю, по мере надобности, когда нужны были деньги (как быстро понял Володя – в основном на наркотики). Он же выходил регулярно, по заранее составленному графику, всегда был трезв, быстро и неутомимо работал, был серьезен. Совсем недавно, веселый и разговорчивый, он легко осваивался в незнакомых компаниях, и быстро заводил знакомства. Здесь же, он был немногословен, дружбы ни с кем не водил – держался обособленно, но, несмотря на это, пользовался уважением. Ночной кладовщик, отвечающий за товар, это заметил, и назначил его старшим. Он комплектовал бригады и руководил ими. Один раз

жестко пресек потасовку, намечающиеся между двумя компаниями грузчиков – а народец подобрался самый разный, кое-кто – явно уголовники, однако после его грубого окрика, все покорно разошлись, и вернулись к работе.

В одну из ночей, когда они закончили выгрузку очередной фуры, Володя, как обычно, получил от кладовщика деньги на всю бригаду, разделил их поровну, и собрался уже уходить вместе со всеми, как Гамид – так звали кладовщика – отозвал его в сторону.

– Хочешь еще заработать?

– Конечно.

– Тогда пусть все уходят, а ты останься.

Когда все ушли, Гамид велел Володе ждать на пандусе возле только что разгруженной фуры – водитель безмятежно спал в кабине – а сам ушел вглубь ангара и вскоре выехал оттуда на машине. Фары были выключены, но по неоновым ходовым огням Володя безошибочно опознал последнюю модель пятерки БМВ. Гамид медленно и аккуратно заехал внутрь, и заглушил двигатель. Дверцы машины открыть было невозможно – слишком узко – и Гамид ловко выбрался через опущенное боковое стекло.

– А теперь заставь все перед тачкой, – Гамид кивнул на штабели пустых деревянных поддонов, – чтобы совсем ничего не видно было. И скрепи их между собой, – он кинул Володе катушку скотча, – если завалятся, нам с тобой мало

не покажется. И давай поскорее, да не шуми, водилу не разбуди, ему знать не обязательно.

Володя быстро и бесшумно выполнил задание, и вскоре полуприцеп выглядел как доверху загруженный паллетами. Гамид закрыл двери и повесил пломбу.

– Тебе не надо объяснять, что об этом никому не надо рассказывать? – спросил Гамид, вручая Володе деньги. Объяснять, разумеется, не потребовалось.

Постепенно ему стала открываться ночная, скрытая жизнь базы. В грузовиках привозились не только фрукты и овощи. Среди ящиков с мандаринами, или заваленные тоннами картошки, приезжали разнообразные ящики, коробки, свертки. Одни были увесистые, будто набитые железом, другие – наоборот, неожиданно легкими. Но все они были тщательно замотаны скотчем или зашиты в мешковину так, что определить, что в них не представлялось ни малейшей возможности. Да Володю это и не интересовало. Ему платили, и платили хорошо. Гамид заранее знал о прибытии машин с «посылками», и на разгрузку этих фур вызывал только Володю, да еще двух своих помощников. Помимо угнанных тачек и «посылок» в полуприцепах привозили и увозили людей. Иногда – мертвых людей.

Володя стал пользоваться доверием, и постепенно ему стали поручать не только погрузо-разгрузочные работы.

Формально базу «курировала» одна крупная этническая группировка. Но внутри базы, из-за ее огромных размеров,

действовало несколько кланов, перманентно конкурирующих друг с другом. Володю начали привлекать к различным акциям. Причем не только в ночное время, и тогда он был вынужден пропускать занятия. Все эти «мероприятия» были незаконными, а некоторые и вовсе криминальными, но за них хорошо платили, а денег ему с каждым днем требовалось все больше. Хотя ему-то самому они практически не требовались: мечту о машине он похоронил, когда истратил последние восемьдесят тысяч на абонемент в элитный фитнес-клуб для Ленки, а для себя ему ничего не было нужно. Он даже перестал нуждаться в регулярной пище, достаточно было проглотить парочку шаверм в ларьке у входа на базу, и он был сыт на целый день. Возвращаясь домой, он складывал в тумбочку в прихожей все заработанные кровью и потом деньги. Причем в его случае фраза «кровью и потом» была отнюдь не метафорой. А на следующее утро тумбочка опять была пуста.

Как то он попытался разузнать у Гамида, что тот знает о странном обитателе подвальчика. Однако, Гамид, знавший все и всех на базе, не стал распространяться на эту тему, ограничившись фразой, мол, это не наша территория.

Однажды Володя оказался поблизости от подвальчика. Дверь была закрыта, мокрый ящик одиноко стоял у входа, газета, превратившаяся в грязный комок, валялась рядом – на улице было уже слишком холодно, – а заглядывать внутрь Володя не стал. Да и к чему? Что он ему скажет? Больше та-

ту он делать не хотел. А те, что были, его вполне устраивали. Паук сидел себе тихонько под сердцем и походу никуда больше ползти не собирался. А веревка, так та вообще стала почти незаметна под неожиданно быстро выросшими его собственными рыжеватыми волосками. Ленку вроде никакое колдовство или мистика не коснулись, и ее рисунок вел себя как обычная татуировка, никуда не ползал, не летал и вообще никак себя не проявлял. Володя пытался было сперва осторожно узнать у Ленки, как там рисунок, не чешется ли или еще чего, но Ленка сказала, что все в порядке, и больше к этой теме вообще не возвращалась. И ни про рисунок, ни про тот поход к мужичку больше никогда не упоминала. Будто и не было ничего. Видимо тема татуажа перестала ее интересовать. Она, конечно, заметила, что Володин паук с ноги перекочевал на грудь, и Володя уже открыл было рот, чтобы все ей рассказать, но тут она усмехнулась:

– Небось, рисунок на ноге хной сделал? Как детишки в турецком отеле?

«Как я сам не додумался до такого простого объяснения!?» – обрадовался про себя Володя, кивнул, и тема татуировок между ними была закрыта. Навсегда.

Артем был прав, Володя действительно изменился. И быстро. За несколько месяцев, что он работал ночным грузчиком, он заметно раздался в плечах, ладони огрубели, и сами руки стали толще и как будто вытянулись в длину. Заметив такую стремительную метаморфозу, Артем даже пред-

положил, что Володя подсел на стероиды. Изменилось и лицо, всегда подвижное, на котором легко читались эмоции, оно стало бесстрастным. Возможно, тяжелый и интенсивный физический труд, запустил какие-то гормональные процессы в организме. Или внезапно начавшаяся и столь же интенсивная половая жизнь. А может совокупность всего этого? Так называемый синергетический эффект. Сложно сказать, но из сублильного подвижного юноши Володя превратился в спокойного, неторопливого и уверенного в себе мужчину. И это замечали окружающие. Даже нагловатый Носорог стал реже обращаться со всякими общественными поручениями. А когда он, вернувшись из деканата, начал было отчитывать Володю за низкую успеваемость, тот взглянул в упор исподлобья, и Носорог вдруг сразу стушевался и, ограничившись дежурной фразой типа «ми надеимся чито ти фсе исапыравишь», отвалил.

Володины метаморфозы пришлись по вкусу только Ленке.

– Ты настоящим мужиком становишься, – говаривала она, – брутальным, таким ты мне больше нравишься.

А большего Володе было и не нужно.

Саму же Ленку совместная жизнь с Володей нисколько не изменила. Он по-прежнему оставалась веселой и легкой в общении, все также была лучшей ученицей на потоке. Единственное внешнее изменение – она избавилась от легкомысленных косичек и укладывала волосы пучком на затылке, скрепляя длинной шпилькой. Эту шпильку из темного вито-

го металла, украшенную восточным орнаментом, Володя купил ей в японском бутике. Там же были приобретены сумочка, лайковые перчатки и нишевые духи, от аромата которых у Володи перехватывало дыхание.

Совмещать работу с учебой становилось все труднее. Во-первых, из-за элементарной нехватки времени, а во-вторых, быстро приобретая новые навыки, Володя так же стремительно утрачивал прежние. Он уже труднее воспринимал информацию, заученный, казалось, текст через какое-то время улетучивался. Он попытался применять Шуджаятову технику шпаргалок, они даже просидели вдвоем с Артемом (у Ленки были курсы по вождению) целый вечер, выписывая формулы на микроскопических бумажках. Но и тут его ждала неудача, у него не было той ловкости, и его очень быстро разоблачили и выгнали с экзамена. Раньше на зачете или экзамене, «плавая» по какой-нибудь теме, он всегда мог вымолить трояк или зачет. То он проклинал свою память: «Ведь всю ночь зубрил, не смыкая глаз, а тут, словно из головы вылетело...», или с честными глазами признавался, что по причине помех неодолимой силы не смог выучить именно эту формулу, или просто умолял «понять и простить», и что он через неделю все пересдаст. А преподады, как известно, тоже люди, и видя перед собой симпатичного и обаятельного студента, весельчака и балагура, частенько закрывали глаза на некоторые его огрехи. Но теперь на них глядел пустым тяжелым взглядом какой-то угрюмый персонаж, идти навстречу

которому совершенно не хотелось. Да он и не просил. Ему было все равно.

Единственным, кто не сдавался, был Артем. У него состоялся разговор с Ленкой, где он в довольно жесткой форме поинтересовался, почему она, практически уже жена, и при этом еще и отличница, видя, что человек стремительно скатывается и находится на грани отчисления, ничего не предпринимает?

– Ну, что ты, Артемка, – воскликнула Ленка, – конечно, я пытаюсь его вразумить, каждый день твержу! Но он меня совсем не слушает, – сокрушалась она. – Но ты не думай, я не сдаюсь, мы обязательно справимся.

Но Артем почему-то ей совсем не поверил и завершил разговор с тяжелым сердцем.

Дурное предчувствие Артема не обмануло, они не справились. По нескольким предметам Володя так и не смог получить зачеты и не был допущен к экзаменам, что автоматически вело к отчислению. Это событие взволновало весь факультет. Как это так? Отчислен студент выпускного курса, перед самым началом преддипломной практики. Причем, не какой-нибудь разгильдяй или тупица, а прилежный и толковый парень. Его вызывали в деканат, увещевали, выделили дополнительные дни для пересдач, даже назначили персональные консультации – этот инцидент бросал тень на весь факультет, и все были заинтересованы в том, чтобы не отчислять студента.

Все, кроме самого студента. Он послушно ходил на консультации и передачи, но преподаватели даже при всем своем желании не могли игнорировать его полную безнадежность.

Дверь в высшее образование захлопнулась перед ним окончательно.

Володя был доволен: из его жизни исчез сумбур, нервозности с зачетами, все эти скучные лекции, курсовики, чертежи и прочая муть. Он стал свободен. Теперь он спокойно, не торопясь, ехал после работы домой, спал пару часиков – ему этого вполне хватало – и ехал к институту, где садился у входа на лавочку и ждал Ленку. Он широко упирался руками в скамейку, втягивал голову в плечи и замирал. Его не беспокоили ни снег, ни ветер. Он прикрывал глаза, впадал в состояние полудрёмы и совершенно неподвижно мог так сидеть и час, и два. Один раз его так засыпало снегом, что проходящая бабулька приняла его за окоченевшего бомжа. Она начала трясти его за плечо. Он не пошевелился, только открыл один глаз, и она отпрянула, быстро перекрестилась и засеменила прочь.

Но вот занятия заканчивались, и Ленка в окружении подружек появлялась на пороге института. Она проворно слетала к нему по ступенькам, целовала в щеку, и они под ручку отправлялись в кафе, или магазин, или куда там Ленка захочет. Иногда на нее нападало особое настроение, и тогда они сразу отправлялись домой – в кровать. Три раза в неделю он

проводил ее до фитнес-клуба, ждал два-три часа на диванчике в гардеробе, потом вызывал такси и вез распаренную, усталую домой, готовил ужин, укладывал спать и ехал на базу. Утром будил, кормил завтраком и проводил в институт. Потом возвращался поспать, и – назад, на лавочку. Все – по кругу, и это было замечательно: все было просто и понятно. На базе ему указывал, что делать, Гамид, в остальное время – Ленка.

При таком образе жизни времени на друзей у Володи практически не оставалось. Когда-то многочисленные, приятели понемногу стали отдаляться, и в итоге не осталось никого. Только Артем не сдавался. Он видел, какое пагубное влияние оказывает на Володю Ленка, и он пытался вразумить друга. Он несколько раз специально уходил с половины последней пары и шел к Володе на лавочку, чтобы спокойно поговорить с ним сорок пять минут, пока не закончится лекция и не появится Ленка. Володя был рад видеть приятеля, и они хорошо, как в старые добрые времена, болтали о том-о сем. Правда, общительный раньше Володя становился все менее разговорчивым, разговоры на общие темы он считал нецелесообразными. Слова должны приводить к действию, а действие – к нужному результату. Остальное – баловство. Но для Артема он делал исключение: тот рассказывал институтские новости, Володя – случаи с работы (те, о которых можно рассказывать). Но как только Артем подходил к теме Ленки, при малейшем, даже самом безобидном намеке на критику в

ее адрес («А чего это в таких затасканных ботинках ходишь, как это Ленка за тобой не смотрит?») как Володя сразу менялся – он не отшучивался, не возражал, не повышал голос, но лицо его каменело, и нечто темное и опасное вдруг проявлялось во взгляде. Осознав, что так успеха не добиться, Артем сменил тактику. Он больше не критиковал Ленку, а старался придумать совместный досуг без Ленки, такие мероприятия, которые были бы ей не интересны, где Володя бы мог отвлечься и осознать, что мир гораздо шире и разнообразнее. Баня, бильярд, пивная, стрельбище, футбол....

Артем был немало раздосадован и удивлен, когда Ленка охотно согласилась пойти с ними на футбол. Но делать было нечего, пошли втроем. Игрался центральный матч тура, и трибуны были полны. Ленка до того на стадионах не бывала, и масштабы ее впечатлили.

– Наши кто? «Синенькие?» – вполголоса спросила она. Футбол Ленке очень понравился, она кричала, вскакивала с места вместе со всеми, когда возникали опасные моменты, слала матерные проклятья судье, за назначенный пенальти. «Продай свисток – купи очки!» – орала она. И когда успела нахвататься? Артем только диву давался, как легко она вписалась в болельщицкую среду и к середине первого тайма уже запросто обменивалась репликами с сидящими вокруг мужиками, обсуждая ход игры. В общем, отрывалась по полной. Володя же пятнадцать минут первого тайма простоял в очереди за пивом для Ленки, а за десять минут до перерыва

пошел занимать ей очередь в женский туалет – на трибунах оказалось много женщин, и Ленка боялась, что за время перерыва может не успеть. Когда прозвучал свисток на перерыв, и Ленка с Артемом вышли в фойе, Володя невозмутимо стоял среди недоумевающих женщин, уже почти у самой туалетной двери. Проходящие мимо мужики посмеивались. Какой-то остряк собрался было пошутить, и уже открыл рот, но Володя молча взглянул на него, и шутка застряла во рту, парень закашлялся и поспешил мимо.

– Давай подождем, посмотрим, когда дойдет его очередь. Что он будет делать? Говорить: «Сударыня, проходите, я Вас пропускаю»? – предложил Артем.

Но Ленка шутку не оценила и сменила Володю в туалетной очереди, направив того в очередь пивную – Ленка посчитала, что еще стаканчик ей не повредит. И последние полчаса второго тайма Володя досмотрел полностью, правда, там ничего интересного на поле уже не произошло.

После похода на футбол, когда Ленка с легкостью усосала литр довольно посредственного пива, Артем о пивных уже не помышлял. А что, если баня...?

Когда, несколько дней спустя, Лена спустилась к скамеечке, где ее ждал Володя, Артем был уже там.

– Слушай, Лен, мы тут с Вовкой в баньку сходить решили. В русскую, с веничками. Как ты смотришь? – тут коварный Артем все рассчитал, он специально упомянул именно русскую баню, потому что русские парные были только в общих

городских банях. Отдельно – в мужских и женских отделениях. Совместно можно было посещать банные комплексы, где были только финская сауна, маленький бассейн, помещение со столом для посиделок да сексодром. Ну, бильярд еще – в некоторых. А русских парных, с вениками в таких комплексах не бывало. Во всяком случае, Артем о таких не знал. Так что, если Ленка и захочет увязаться с ними, ничего у нее не выйдет, и они смогут пару–тройку часиков пообщаться без нее.

– Отличная идея, баньку я люблю! Особенно с веничком, – оживилась Ленка. – Слушай, Артем, а пошли вчетвером, Маринку возьмем, вы же с ней вроде как уже познакомились, – лукаво ухмыльнулась она, – она тоже попариться любительница.

Марина была Ленкина подружка и ничего от нее не скрывала, особенно по части кавалеров. Кавалеров было множество, и в эту славную когорту входил и Артем, с которым у Марины было несколько романтических уикендов. И хотя обе стороны остались довольны совместно проведенным временем, дальнейшего развития их отношения не получили, они остались в статусе приятелей.

Идея взять Марину Артему понравилась – он даже слегка покраснел –, и его мысли сразу потекли в несколько ином русле:

– Да я с удовольствием, вот только..., – начал было он, но тут его осенило: – А давайте на какую-нибудь базу отдыха

рванем на выходные? Их куча в округе, и наверняка там и русская баня будет!

– Супер! Вот на ближайшие выходные и ищи варианты, только попримечней, а с Маринкой я сама договорюсь. Ну все, чао, мы уже опаздываем, – и с этими словами Ленка взяла Володю под руку.

Турбазу недалеко от города Артем нашел быстро. Группка маленьких бунгало расположилась в сосновом лесу, на берегу небольшой речки. Поначалу собрались ехать на Артемовой машине, но у той, как назло, застучала рейка, и пришлось ехать на электричке. Но электрички ходили часто, а от станции нужно было пройти всего пару километров – сущие пустяки. Володя с Ленкой поехали первыми, а Артем с Мариной должны были подтянуться через часик – Артем отгонял машину в ремонт. Добрались без проблем, погода была прекрасная: светило зимнее солнце, был легкий морозец, и прогуляться было одно удовольствие. Тяжелый рюкзак с провизией Володю несколько не беспокоил. Они успели закинуть вещи в свой домик, договориться с администраторшей насчет бани и мангала, прогуляться по заснеженному берегу незамерзшей речки, когда наконец появились Марина с Артемом. Оба были уже навеселе, особенно Марина – в электричке оприходовали фляжку коньяку под шоколадку. Володя неодобрительно хмыкнул: зачем же перед баней–то? Что, подождать до шашлыков не могли?

– Ой, да ладно, грамулю приняли, – отмахнулся Артем, –

и на шашлыки хватит, и даже на завтрак останется. – Он кивнул на свою объемистую спортивную сумку.

– Да я не про то, что не хватит, а что перед парилкой то зачем пить, не на пользу пойдет, и без того нагрузка на сердце.

– Да что нам сделается, – опять махнул Артем, – ладно пошли уже попаримся.

Если от коньяка у Артема только немного разумянилось лицо, то Марина была уже, что называется, «в кондиции». Она громко разговаривала, смеялась по поводу и без и постоянно что-то шептала Ленке на ушко, после чего хохотали уже обе. В бане Марина собралась было париться топлес, но Ленка ее не поддержала. В одиночку Марина оголяться не стала, и последовала примеру подруги, целомудренно обернувшись простыней. Артем не смог скрыть своего разочарования.

Парилка была маленькая, и париться ходили парами по очереди. Сперва Володя парил Ленку, потом Артем – Марину, потом – парни друг друга.

– Девчонки, закрывайте глаза! – орал Артем, выбегая голый из парной. Он пробежал мимо девчонок, сидящих в предбаннике, выскакивал на улицу и бросался в снег. Между заходами пили пиво. После пары таких заходов и пары бутылок Марина окосела вконец. Она уже не смеялась и сидела, понутив голову.

– Так она до шашлыка не доживет, – шепнула Ленка. После чего загнала парней в парилку, помогла Марине одеться

и проводила ее в домик – пусть отлежится перед ужином.

Когда она вернулась, друзья уже вышли из парной и сидели в креслах в предбаннике, попивая пиво.

– Ух, замерзла, пойду погреюсь, – она сбросила накинутую прямо поверх простыни куртку и прошла в парную. Артем, поднося стакан, проводил ее взглядом, но вдруг поперхнулся и закашлялся. Он разглядел татуировку у нее на лопатке.

Володя заметил, как его друг переменялся в лице, но ничего не сказал, а продолжал лениво потягивать пиво. Сам лишенный эмоций, он перестал реагировать на эмоции других. Артем порывисто наклонился к нему, собираясь что-то сказать, но потом покосился в сторону парной и жестом показал – потом. Сам же достал мобильник и уткнулся в него.

После бани парни стали заниматься шашлыком, разжигали мангал, нанизывали мясо на шампуры. В крытой беседке неподалеку Ленка резала салат, раскладывала сырную и мясную нарезки по бумажным тарелочкам. Вскоре шашлык был готов, и пора было садиться за стол. Артем сходил за Мариной, но вернулся расстроенный:

– Дрыхнет без задних ног, – развел он руками.

– Ну, еще время раннее, может к вечеру и очухается – сказала Ленка, и они приступили к трапезе. Шашлык получился вкусным, водка и вино – такими, какими и должны были быть, за окнами уже стемнело, в беседке тихонько гудел газовый обогреватель, было тепло и уютно. Но вечер не скла-

дывался. Володя, как обычно в последнее время, сидел молча, в беседу не вступал, а если к нему обращались, отделялся короткими односложными репликами. Артем, обычно разговорчивый, был занят своими мыслями, и как ни старалась Ленка его растормошить и вовлечь в разговор, отвечал невпопад, и, похоже, пребывал совсем в другом месте. Однако, рюмки осушал регулярно и быстро пьянел. «Это, наверное, из-за Маринки, – подумала Ленка, – конечно, парень настроился на романтику, а тут – пьяное полено в номере валяется». Ей стало жалко Артема. Она встала:

– Я сейчас вернусь, мальчики, пойду Маринку потормошу, а то ведь проспит весь пикник.

Едва она вышла из беседки, как Артем резко наклонился к Володе:

– Ты помнишь, я тебе читал из интернета про осу, которая охотится на пауков?

– Ну так, смутно, а к чему ты это?

– Вот, послушай еще разок, – Артем достал смартфон:

– Оса Пепсис Гросса, ее еще называют «Тарантуловый Ястреб», жалит паука и парализует его. Не убивает, а только обездвиживает. А потом откладывает прямо ему в туловище личинку, и эта личинка сжирает паука изнутри. Заживо. Вспомнил?

– Ну, вспомнил, и что?

– А вот как эта оса выглядит, – он протянул смартфон. С фотографии на него смотрело то самое несуразное насеко-

мое с оранжевыми крылышками, что и у Ленки на лопатке.

– Понимаешь теперь, что с тобой происходит? – взволнованно зашептал Артем – Тебя пожирают! Заживо! Уже все деньги из тебя высосала, почти все мозги уже выела – ты посмотри на себя! Что еще осталось? Душа? Сердце?

Володя молча смотрел на фотографию. Смотрел, но уже не видел. Знакомый морок неотвратимо напал, заливая холодом и ненавистью. Рука, держащая смартфон сжалась так, что в тишине было слышно, как заскрипел пластиковый корпус. Но на этот раз Артема не остановило изменившееся лицо друга. Накипело уже, да и алкоголь добавил решимости.

– Нужно срочно заставить Ленку свести эту сраную муху! – повысил он голос. – Если сама не захочет, силой отвести! В конце – концов, можно и дома вывести, связать, да и выжечь нашатырем! Надо просто смочить вату, приложить и накрыть полиэтиленом. Десять минут подождать – и готово! Я с тобой могу пойти, подержу..., – он не закончил фразу, как из темноты неожиданно возникла Ленка.

Повисла пауза. По Ленкиному лицу было не понятно, слышала ли она их разговор.

– Ну, как там Марина? – спросил Артем.

– Марина? А, дрыхнет всюю, не смогла разбудить, – рассеянно сказала Ленка, – не повезло тебе, приятель. Ну что, еще по рюмашке?

– С удовольствием! – Артем потянулся к бутылке.

– Я не буду больше, не хочу. Пойду, шампуры почищу, пока не засохли. – Володя собрал в горсть грязные шампуры и вышел из беседки.

Наутро их разбудил стук в дверь. Ленка открыла: Марина, бледная, с помятым лицом стояла на пороге.

– Ой, говорила мама, не мешай, доча, коньяк с пивом, да куда там, – криво усмехнулась она, заходя.

– А что, может пивка тебе плеснуть? Еще осталось, – предложила Ленка.

– Все! О спиртном – ни слова! – Марину передернуло. – Только чайку крепкого. Кстати, а где Артем? Он у вас, что ли, ночевал?

– Как это у нас??? Нет, конечно.

– Просыпаюсь, а его нет, и видно, что и не ночевал, постель не тронутая. И вещей его нет. Я подумала, к вам перебрался, от пьянчужки подальше...

– Странно, я думала, он спать к тебе пошел. Может, решил домой уехать, мы закончили посиделки, еще не поздно было, электрички еще ходили.

– Вов, ты не в курсе куда Артем делся? Он домой вчера часом не собирался? Тебе ничего не говорил?

– Ничего, – буркнул Володя, отворачиваясь к стенке, – я еще посплю, не орите только.

– Странно, и мобильник выключен – сказала Ленка, – пой-

дем на улице посмотрим, может завалился где по-пьяни, он вчера реально подпил.

Они вдвоем вышли на улицу. За ночь выпал снег, и на нем виднелась лишь цепочка Марининых следов от ее домика. Все вокруг было девственно бело. Они обошли вокруг, спустились к реке, но ни Артема, ни следов не обнаружили.

– Марин, а вы с ним вчера не поругались часом? Может, обиделся и уехал?

– Ну, я вчера с кем угодно могла поругаться, только не помню ни хрена. Но с чего ему обижаться? Я ему так-то не подружка. На обиженных воду возят. Ладно, фиг с ним, уехал и уехал. Что-то жрать уже захотелось, как там шашлык, мне хоть оставили чуток?

– Оставили, конечно, сейчас разогреем, конечно, уже не так вкусно будет, но сама виновата.

Они разогрели вчерашний шашлык, растормошили Володю, Ленка допила вместе с ним оставшееся пиво, потом они втроем побродили по лесу, подышали чудесным зимним сосновым воздухом, потом собрались и пошли на станцию. В городе на вокзале распрощались с Мариной и поехали домой. Володя всю дорогу был угрюмее обычного и во взглядах, что он искоса бросал на Ленку, кроме всегдашнего обожания, проскальзывало и что-то иное. Темное. По приезду домой, Володя сразу заявил, что устал и завалился на кровать.

Ленка отправилась в ванную, разделась и вытащила заколку из волос. Она тщательно промыла ее под струей воды, по-

том внимательно осмотрела и для верности протерла ватным диском, смочив его жидкостью для снятия лака. В раковине осталось несколько бурых пятнышек, она смыла их водой. Затем приняла душ, наскоро вытерлась и юркнула к Володе под одеяло. Володя лежал на спине, закинув руки за голову. Она прижалась к нему и положила руку на грудь, накрыв па-ука ладонью. Она нежно, едва касаясь кончиками пальцев, провела по рисунку:

– Никому тебя не отдам, ты только мой, – прошептала она еле слышно.

Но Володя ее не слышал. Он уже спал.

ГЛАВА 2.

В полиции их долго и подробно расспрашивали, поскольку они последними видели Артема. Ребята рассказали все без утайки, в мельчайших подробностях: как парились в бане, про шашлык и ужин, как напилась Марина, как все разошлись по домикам, как утром обнаружили пропажу Артема. Рассказали о своих предположениях, что Артем просто уехал домой. Полиция осмотрела окрестности турбазы, но безрезультатно: во-первых, насколько последних дней шел снег, а во-вторых, в домиках, разумеется, была произведена уборка, и в них уже заселились другие отдыхающие. Расспросили работников железнодорожной станции. Продавщица в киоске вроде опознала Артема по куртке. Лицо не за-

помнила, но куртка, похоже, такая же была. Мол, пьяненький подходил, пиво искал, потом вроде к электричке в сторону города пошел. Полиция перенесла поиски в город, но также безрезультатно. Володя со своей стороны обзвонил всех приятелей и знакомых, но ничего не добился. Артем словно испарился. Бесследно.

За две недели до этого.

По территории базы медленно катил черный Бентли. Он двигался совершенно беззвучно, только снег поскрипывал под широкими покрывками. За ним, чуть поодаль, держался черный Линкольн Навигатор. Вот Бентли свернул с главного проспекта на боковую улицу, проехал по ней, свернул еще раз и остановился, дальше было уже слишком узко. Из машины вышел невысокий плотный человек в роскошном меховом пальто. Он пошел в сторону тупика, где располагался подвальчик татуировщика. Двое крупных мужчин, вылезших из Навигатора, следовали за ним на некотором расстоянии. Невысокий человек шел мимо контейнеров, и торговцы, завидя его, кланялись и желали здоровья и благоденствия. Он небрежно кивал в ответ. Вот показался уже знакомый нам подвальчик. Мужичок, на этот раз в фуфайке, стоял на пороге и молча смотрел на подходившего гостя, у которого с каждым шагом менялось выражение лица. Это по-прежнему было лицо сильного, уверенного в себе мужчины, но

оно уже не выглядело надменным: насупленные брови приподнялись, губы перестали змеиться привычной язвительной усмешкой. Вход в подвальчик был узкий, ступени обледенели, спускаться в длинном пальто было неудобно, и визитер, подойдя, сбросил его на руки подоспевшему охраннику. Под пальто оказалась рубашка поло с коротким рукавом. На правой руке гостя извивалась огромная королевская кобра. Она опоясывала всю руку от плеча до запястья. Готовая атаковать: капюшон угрожающе раскрыт, но пасть еще закрыта, ядовитые клыки спрятаны, и только короткий кончик раздвоенного языка выглядывает из узкой щели рта. Гость вежливо поздоровался и первым спустился в подвал. Татуировщик жестом остановил охранника, вознамерившегося последовать за шефом, и спустился следом, закрыв за собой дверь.

Через полчаса дверь отворилась, и посетитель вышел. Охранник, подавая пальто, обратил внимание на застывшее, словно окаменевшее лицо босса. Мужичок поднялся следом и взглядом проводил уходящих. В руке он держал маленькую деревянную дудочку. Он покачал ее на ладони, словно взвешивая, а потом небрежно, через плечо, отбросил в кучу ломанных деревянных ящиков

Прошел месяц после исчезновения Артема. Вышедшая из здания института Ленка не особо удивилась, не обнаружив на лавочке Володю – в последнее время он нередко оставался после ночной смены на базе, Гамид постепенно расширял

круг его ответственности. Когда она проходила мимо огромного черного Линкольна, припаркованного напротив, дверца распахнулась, и высокий темноволосый мужчина окликнул ее:

– Здравствуйте, Елена. Не уделите мне минутку внимания?

– Откуда вы меня знаете? – удивилась она, подходя.

– О, мы очень хорошо вас знаем, даже слишком хорошо, – он усмехнулся, – присядьте. – Он жестом указал на заднее сиденье.

– С какой это стати? – Ленка, нахмурилась и, собралась было пройти мимо, но мужчина протянул ей смартфон. Она взглянула и побледнела.

– Садитесь, садитесь...

Она послушно села в машину, мужик залез следом и захлопнул дверь.

Фотографии были сделаны с большого расстояния, да еще и в сумерки, и особой четкостью не отличались. Но место действия и участники определялись однозначно: Ленка, втыкающая Артему что-то острое, прямо в голову на фоне беседки. Вот следующий снимок: она на берегу волочит тело.

– Что вам нужно? – тусклым голосом спросила Ленка.

– О, суший пустяк. Одна маленькая просьба – и об этих фото никто и никогда не узнает, всего-то и нужно, чтобы ваш отец пришел на овощебазу. Вы знаете, где это. К зданию администрации. Может прийти в любой день, когда ему будет

удобнее. Как будете знать точную дату и время, позвоните по этому номеру, – он протянул ей визитку, на которой были только цифры – его встретят. И обязательно пусть будет один. Вот и все. Уверяю, что ему совершенно ничего не грозит, просто с ним хочет побеседовать один уважаемый человек. И не волнуйтесь, разговор будет не о вас. Совсем не о вас. И вам приходить туда не нужно. И, разумеется, об этом никто не должен знать. Ваш кавалер – особенно, хотя, я уверен, вы и сами не горите желанием посвящать его в подробности, – незнакомец ухмыльнулся.

– Я вас поняла. – Ленка взяла карточку с номером, проигнорировав протянутую руку, и выскользнула из джипа.

Она шла по тротуару, сосредоточенно глядя под ноги, аккуратно огибая многочисленные лужи. Правда, шла она в другую сторону от дома. Голова раскалывалась. Она в тысячный раз пыталась вспомнить подробности того страшного вечера. Но все было, как в дымке, как в сюрреалистическом кошмаре. И алкоголь здесь был почти ни при чем. Она не помнила, чтобы она испытывала злость или ненависть к Артему, скорее наоборот. А как тогда можно убить человека, и не просто человека, а своего друга и однокашника, не испытывая к нему не то, что вражды, но даже простой неприязни? Она это сделала без всяких эмоций, словно по инстинкту, как прихлопывают комара, севшего на руку, или сдувают пылинку с рукава.

И весь этот месяц она медленно сходила с ума. Ложась

спать, она молила, чтобы наутро проснулась, а это оказался просто дурной сон. Но утро наступало, а Артем по-прежнему был мертв. А убийцей была она...

Она сразу заметила неразлучную парочку – Артема с Володей. Оба высокие, симпатичные и веселые, они было, что называется «золотой серединой» – с одной стороны, они не принадлежали к числу «мажоров». Отпрыски богатых предков, те ездили на дорогих спортивных машинах, одевались с тщательно продуманной небрежностью, поглядывали свысока и держались обособленно. На занятия приходили, что называется «для галочки», учиться не хотели, и все их интересы и разговоры вертелись вокруг ночных клубов, да кто кого трахнул. Вполне, впрочем, естественные интересы для молодых парней, но ведь и знания тоже необходимо получать. А этим был нужен только диплом. Они частенько просили Ленку и еще одну отличницу делать за них курсовые работы. Не бесплатно, разумеется. Ленка делала охотно: это было для нее совсем не сложно, да и лишняя копеечка никогда не помешает. Но относилась к мажорам неприязненно. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что те на Ленку вообще не обращали никакого внимания – вокруг них всегда роилась стая девчонок, охочих до «красивой жизни».

Не относились приятели и к другому радикальному крылу – скучных зубрил, чьи интересы не распространялись дальше образовательного процесса. Парни удачно совмещали лучшие качества обеих «палат» – они хорошо учились и

при этом совсем не чурались светских увеселений и женского общества. Настоящие «центристы»: они одинаково ладили как с мажорами, так и с зубрилами.

Артем ей нравился больше. Но Ленка была девушка проницательная и сразу поняла, что на взаимность ей будет рассчитывать сложно, а потом стала замечать «тайные» Володины взгляды...

Когда она, сняв повязку, смогла рассмотреть в зеркале свою татуировку, то расстроилась и удивилась, как она могла выбрать такое несуразное насекомое? Нет, оно было качественно нарисовано и выглядело весьма реалистично, но категорически не годилось на роль украшения. Даже обычная навозная муха смотрелась бы изящней!

Она показала татуировку Марине. – «Да, уж – такой точно ни у кого не встретишь» – после некоторой паузы произнесла подруга. Ленка сразу поняла: рисунок Марине не понравился, но критиковать уже сделанную тату не было ни какого смысла – исправить все равно уже ничего нельзя – вот она и ограничилась нейтральной фразой. Впрочем, Ленка и не сомневалась, что реакция будет именно такой, и настроение у нее испортилось еще больше.

– А сама-то не хочешь сделать? Там много чего по-настоящему красивого можно выбрать – спросила она Марину.

Та ненадолго задумалась. – «Нет, не хочу. Точнее, я еще не готова. Я так думаю, что здесь нельзя действовать спон-

танно, подчиняясь минутному порыву: все – таки не бижутерию покупаешь, это на всю жизнь останется. Я помню, у меня старший брат в свое время тату себе делал. Так он, сперва полгода эту идею вынашивал, а потом, когда уже понимал, что хочет набить – а он тогда увлекался викингами – больше месяца чего-то рисовал, в интернете сидел, даже специальную историческую литературу читал. И только потом пошел в салон со своими эскизами, и сделал тату. У него там целая картина получилась: сосны, а под ними волк на луну воет, а на небе всякие руны, шлемы рогатые, да мечи с топорами. Короче, всего намешал, но получилось неплохо. А я для себя еще не решила, нужны ли мне подобные украшения, или своих пока хватит?» Она шутливо повела плечом, высокая грудь колыхнулась под блузкой. – «И, кстати, я где-то такую ерунду читала, что тату, якобы, обладают некой силой, и могу влиять, как-то на судьбу своих хозяев. Так, что ты прислушивайся к себе, вдруг твое чудное насекомое возьмется управлять тобой, как начнешь жалить всех вокруг» – пошутила Маринка напоследок.

Ленка послушалась, и прислушалась.

Отец, хоть и старался воспитывать дочь в духе христианства, делал это деликатно и мягко и, не обнаружив у нее (к своему большому огорчению) интереса к религии, не настаивал. Ленка, разумеется, была крещенная, и даже изредка посещала службы, но воцерковленным человеком не стала. Однако беседы и наставления отца не прошли бесследно, и

понятия «добро» и «зло» она, в отличие от подавляющего большинства сверстников, воспринимала глубже, чем простой оборот речи. Также она осознавала, насколько человек слаб и зависим от чужой, непонятной и неподвластной ему силы, как много он не знает и никогда не сможет познать. Насколько мир больше и разнообразнее, чем мы можем представить. А то, что человек не в состоянии понять, он называет чудом. В Писаниях содержится множество Божественных чудес – от хождения по воде до исцеления безнадежных больных и схождения благодатного огня. Но ведь чудеса совершают и другие, не только Божественные силы. Просто о них не пишут в церковных книгах, они больше относятся к области преданий и фольклора. И, даже она сама слышала от подруг и знакомых, – причем все истории преподносились, как абсолютно правдивые – о неких бабульках, живущих, в основном, по глухим деревням, которые: кому – порчу наведут, а кого – наоборот, от тяжелой болезни исцелят. Вот и думай, после этого, добрые это силы, или злые? Она приняла для себя, что сделать некрасивое тату, которое она не хотела и не собиралась делать, ее заставила чужая воля, какая-то внешняя сила. А какого знака эта сила? Плюс или минус, добро или зло? Учитывая, как официальная религия относится к татуировкам, скорее зло, но поживем – увидим. Она стала внимательнее прислушиваться к себе, но не обнаружила никаких изменений ни в своих мыслях, ни в желаниях, ни в поведении. А вот поведение Володи менялось. Особенно

это стало заметно после их первой ночи (хотя будет точнее сказать – вечера). Она заметила, с каким обожанием он начал смотреть на нее, как старался улавливать любые ее желания, как мгновенно бросался их исполнять. Будучи не особо искусственной в любовных делах, равно как и в мужской психологии, она решила, что это обычное мужское поведение после интимной близости (святая наивность!). С этой стороны, никакого внешнего вмешательства она не заподозрила, и все происходящее – по ее мнению – происходило исключительно вследствие естественного течения жизни.

Первый звоночек прозвенел, когда они проходили мимо того самого пафосного ресторана. Она ничего такого не планировала, идея провокации родилась мгновенно. Это была именно провокация – она уже отлично знала его финансовые возможности, знала про деньги, что он копил на машину. Ей вдруг захотелось посмотреть на Володину реакцию. Когда же он, не моргнув глазом, потянул на себя дверь, она уже было схватила его за руку: – «Да я же пошутила, пошли уже к нашим грузинам!» Но что-то ее остановило. И все время в ресторане она украдкой наблюдала за своим кавалером. Он достойно выдержал испытание, ни один мускул не дрогнул на его лице, когда принесли счет. Она была ему благодарна, и ей стало стыдно за свой внезапный и жестокий эксперимент. «Не иначе, бес попутал», – только успела подумать она, и, словно в подтверждение ее мыслей, нечто заставило ее отказаться от предложения зайти в гости. Ленка, хоть и не была,

что называется, по уши влюблена, но Володя ей нравился, и немного интима после прекрасной трапезы было бы приятным и гармоничным завершением выходного дня. Однако, неведомая (и вряд ли добрая) сила, внезапно включила режим «динамо», и Ленка отказалась. Этот удар Володя так же перенес стоически, безропотно проводив ее до подъезда. Дома, когда наваждение прошло, она даже немного всплакнула – ей было неловко перед Володей и жалко скомканного вечера. Зато она окончательно удостоверилась в наличии некоей силы, которая вмешивается и вносит коррективы в ее мысли и поступки. Вечер был долгий, делать особо было нечего, и она, устроившись в кресле с чашкой чая, смогла спокойно поразмыслить о происходящих с ними переменах. И в результате пришла к выводу, что все метаморфозы проходят, скорее, в положительном ключе.

«Взять, например, Володю, – размышляла она, – ведь очевидно, что ему доставляет удовольствие ухаживать за мной, делать мне приятное, у него даже на лице написано, что он просто кайфует, когда я улыбаюсь или просто выгляжу довольной. Значит, для него это – во благо. Ну, а мне – тем более печалиться нечего, я окружена заботой и вниманием». Вот к таким приятным для себя выводам пришла Ленка, на этом успокоилась и больше не забивала себе голову всякой ерундой, в полной мере позволяя Володе радовать себя, радуя ее.

Разумеется, впоследствии от нее не укрылось, как стре-

нительно меняется Володя, каким замкнутым и скучным в общении становится. Но он приносил деньги, много денег, и радость человеческого общения Ленка заменила на другие радости, которых вокруг достаточно, тем более, когда позволяют средства. Она почти все свободное от написания диплома время проводила на фитнесе, в СПА и салонах красоты, курсах вождения, и на Володю времени совсем не оставалось. Но надо отдать ей должное, другими мужчинами она не интересовалась, и, что называется, по сторонам не смотрела. До того злополучного вечера на турбазе. Его последнего вечера.

Они сидели в предбаннике в креслах и пили пиво. Парни напротив девчонок. Все в простынях: девчонки обернуты подмышками, парни – по пояс. Ленка поразилась, как они, ровесники, еще совсем недавно похожие, словно братья, теперь отличаются друг от друга. Стройный и гибкий Артем, молодая, словно светящаяся после парной кожа, румяное лицо, блестящие (в том числе и от коньяка) глаза. Вот он наклоняется, чтобы подлить еще пива, под тонкой гладкой кожей проступают мускулы. Даже большой багровый шрам под ребрами не может испортить впечатления от его ладной фигуры. Сидящий плечо к плечу Володя смотрится на добрый десяток лет старше: землистое лицо, потухший взгляд – последствия ночного образа жизни –, костистое, жилистое тело, покрытые редкими рыжеватыми волосками руки и плечи, большие, грубые ладони, сбитые костяшки... Ленка с зави-

стью покосилась на подругу. Но не рассчитавшая силы Маринка уже клевала носом, только что слюни еще не пускала, дурында!

Какой же милой и доброй казалась ей теперь та банная зарисовка! После всего того кошмара, случившегося потом...

Она шла по улицам, держа в руке карточку с номером, и пыталась справиться с охватившей ее паникой. Когда это ей удалось, она обнаружила, что стоит у дверей паба, уже довольно далеко от дома. Это оказалось даже кстати – она спустилась вниз и заказала кружку темного эля.

В отличие от Володи, она не утратила живости ума и способности к аналитическому мышлению, и, сопоставив все прошлые и нынешние события, уже к середине второй пинты ясно понимала, что все нити ведут на овощебазу, а точнее – к тому странному мужичку-татуировщику. Что это его злая (в этом не осталось уже никаких сомнений) воля гонит ее по этому пути. Но зачем? И какая конечная точка? Зачем ему понадобился отец? Этот мужик в джипе сказал, что она здесь ни при чем, и дело не в ней. Значит... Она вспомнила свой визит к татуировщику, его монотонный голос и гипнотический взгляд и ее поразила догадка: темные силы хотят получить власть над влиятельным священнослужителем. Зачем? Чтобы заставить его действовать в своих интересах? Влиять через него на паству? И как это будет выглядеть? Типа, папа начинает проповедь: – «Братья и сестры, начинаем нашу очередную богословскую беседу, и у меня сразу к вам

новость – Бога нет!» Чушь, какая-то! – она даже хихикнула, представив эту картину. Или скажет: «Друзья, сейчас нам всем нужно будет сделать татуировки! Идите ка все скоренько на овощебазу!». Даже не смешно! Но ведь, что-то ему от папы нужно. И наверняка что-то нехорошее. А этого она допустить не могла.

– Вот уж хрен! – громко сказала она после третьей кружки и стукнула кулачком по столу.

Компания парней за соседним столом с интересом обернулась на нее.

«Ничего папе я передавать не буду, не собираюсь я его в этот блудняк впутывать, что бы они там от него не хотели. Сама накосячила, сама и разберусь. И Вовку привлекать не стану, он и так, бедный, из-за меня всего себя изломал. Я сама схожу к этому демону и всю душу из него вытрясу, если она у него имеется, конечно», – самонадеянно заключила Ленка и попросила счет.

Наутро уверенности у нее поубавилось, но деваться было некуда. Она съездила в институт по дипломным делам, а потом, уже ближе к вечеру отправилась на базу. Володя в это время должен был быть дома, так что она не опасалась столкнуться с ним. Она оделась в строгий деловой костюм: длинная узкая черная юбка, белая блуза и короткий песцовый полушубок. На базе народ уже стал убывать, она почти сразу вспомнила дорогу и без приключений доцокала на своих полусапожках до знакомой двери. Она была неплотно прикры-

та, и из нее доносился запах еды. Она толкнула дверь и спустилась в подвал. Мужичок в майке – в подвальчике было сильно натоплено – сидел на стульчике, склоняясь над пластиковым лотком и, ловко орудуя палочками, ел Доширак.

Он обернулся, и Ленка даже не удивилась, что ноги у нее стали ватными, в горле пересохло, и весь боевой запал испарился, будто его и не было никогда. «Нельзя этой сволочи в глаза смотреть», – успела подумать она, но было уже поздно. Вся ее заранее отрепетированная речь рассыпалась на фрагменты, логичные и подкрепленные фактами обвинения стали нелепыми и противоречащими друг другу, и Ленка самой стало непонятно, как она могла выдумать такую ерунду. Ей вдруг стало нестерпимо жарко и душно, она сняла полушубок и расстегнула пару пуговиц на блузке. Мужичок, не переставая есть, выслушал ее, потом отложил палочки и ровным голосом пробубнил свою всегдашнюю мантру, дескать, он принимает претензии только к качеству рисунков, а про папу и все остальное – ни сном, ни духом. Спорить, а тем более чего-то там из него вытрясать, не осталось ни сил, ни желания. Желание было только одно – поскорее убраться отсюда. Ступеньки были высокие, а юбка – узкая, и она, поднимаясь, подпернула ее повыше.

В таком виде – раскрасневшуюся, с расстегнутой блузкой и задранной выше колен юбкой ее и увидел Володя.

Подобные совпадения случаются только в индийских фильмах (может, отправить сценарий в Болливуд?), но, ско-

рее всего, на сцену вышла еще одна неведомая сила. Доброй ее назвать язык не повернется, но она явно находилась в оппозиции к татуировщику и Ко. Именно эта сила надоумила Гамида в тот день дать Володе внеплановое задание. И когда, после нескольких часов воспитательной работы, Володя вышел из контейнера одного бедолаги, просрочившего выплату, он сразу заметил Ленку в редкой толпе. Ее было трудно не заметить – в песцовом полушубке и на шпильках, она забавно смотрелась среди роб и ватников. Он же ничем не выделялся, и она его не заметила. Он не стал ее окликать, а сразу понял, куда она направляется, и пошел следом. Спрятавшись в тени за штабелем паллет, он терпеливо ждал, терпенья ему было не занимать. Но ждать пришлось недолго, вскоре покрасневшая, полуодетая Ленка поднялась из подвала. Он сразу все понял.

Оправив юбку и накинув полушубок, расстроенная и озадаченная Ленка посеменила прочь, а мужичок, поднявшись следом, стоял и смотрел ей вслед. Он всегда провожал посетителей. Володя стремительно подскочил сзади и, взявшись одной рукой за подбородок, уперев другую в затылок, резко крутанул. Хрустнули позвонки, мужичок осел и завалился набок, словно мешок картошки. Вокруг никого не было, Ленка уже свернула за угол. Володя легко поднял тело и сбросил вниз в подвал. Он услышал, как голова с гулким стуком ударилась о каменную ступеньку.

Володя прикрыл дверь и поспешил вслед за Ленкой.

ГЛАВА 3.

– И не мечтай даже, никогда он от тебя по доброй воле не съедет, он идиот, что ли? Где он еще такую дуру найдет? Тут либо выгонять его, или самой сваливать, других вариантов нет, такие типы, как он, никогда не исправятся, – убежденно говорила Оксана, – лучшие годы впустую потратишь, а потом у разбитого корыта и останешься!

Лариса рассеянно слушала подругу, механически помещивая ложечкой остатки капучино, и уже жалела, что в очередной раз позволила втянуть себя в этот разговор. Ох уж эти лучшие подруги: вечно берутся за твои проблемы с большим энтузиазмом, чем за свои собственные, и тут главное – не захлебнуться в куче «дельных» советов. (У Оксаны самой проблем было, что называется, «выше крыши», однако с их разрешением она не особо спешила – гораздо важнее, да и интереснее, помочь подруге.) Хотя, в данном случае, Оксана была, пожалуй, права....

Они познакомились пару лет назад в клубе, недолго встречались, а потом Олег переехал к ней на съемную квартиру, и с тех пор жили вместе. У каждого уже была своя история за плечами, оба побывали в браке, у Олега подрастал сын, у Ларисы детей не было, да она пока и не стремилась. Поначалу все было хорошо, они вместе проводили досуг – ходили по клубам, в кино, оба не чурались спиртно-

го и частенько проводили вечера дома под бутылочки пива или винца, гормон пел, и жизнь была прекрасна. Лариса была воспитана в старых традициях и свято верила, что главная обязанность женщины – это содержать дом в чистоте, а мужа – в сытости. И она ходила по магазинам, готовила еду, стирала и убиралась в квартире. В этих вопросах Олег был ей не помощник, он принципиально не готовил, не мыл посуду и не убирался в доме. Он вставал на работу в пять утра, и она вставала вместе с ним, чтобы разогреть ему завтрак и налить кофе, потом, проведив, ложилась и досыпала еще несколько часиков перед работой. На вопросы подруг «ему что, себе кофе впреду налить?» она только улыбалась, и пожимала плечами. Если со своим кругом обязанностей ей было все ясно, то к функционалу Олега у нее со временем стали появляться вопросы. За квартиру платила она, Олег, хоть и неплохо зарабатывал, денег Ларисе практически не давал, а тратил их разве что на спиртное, которое сам же почти все и употреблял. Он ссылался, что отдает деньги бывшей жене для сына, но Лариса подозревала, что он просто на что-то копит, и содержала их гнездышко за собственный счет. Так что под категорию «добытчик» Олег явно не подходил. Может – «защитник»? Но если и нужно было защищать Ларису, то только от самого Олега; выпив, он становился раздражительным и агрессивным. А пил он все чаще.

Что там еще остается от мужских обязанностей?

– Он, небось, тебе каждую ночь «небо в алмазах» показы-

вает? – жадно допытывалась Оксана.

– Да вовсе нет, – грустно отвечала Лариса.

– Ну, тогда ты конченная дура!

Лариса соглашалась, на этом разговор заканчивался, и все возвращалось на круги своя.

Вскоре претензии появились и у Олега. Он стал вдруг очень ревнив и подозрителен. То она с работы слишком поздно возвращается, то в телефоне неспроста подолгу зависает, и в нечастые кафешки она ходит не с подругами, а с хахалем. Будучи практически всегда навеселе, он не стеснялся в выражениях, из которых «блядь» было далеко не самым грубым. А уж какие к этому существительному прилагались определения – и вовсе рука не поднимается записать.

Лариса, разумеется, подобное обращение не терпела, и дело заканчивалось громким скандалом, после которого сожители по несколько дней не разговаривали. Лариса переставала его кормить и мыть за ним посуду, и она горой возвышалась в раковине. Когда еда и посуда заканчивались, Олег переходил на рацион пиво/чипсы, и к грязной посуде на кухне прибавлялась куча пустых бутылок и мятых пакетов. Такая диета не особо полезна, и по ночам, лежа с открытыми глазами, Лариса вкушала все ее прелести: Олег ворочался и стонал во сне, мучаясь от изжоги и резей в желудке, икал и пердел, и Лариса в сотый раз спрашивала себя, за что ей привалило такое счастье? Но проходила неделя, а вместе с ней и обида, и они начинали потихоньку общаться, а потом

и совсем мирились, и пару недель жили в согласии.

Если изложить на бумаге все эпитеты, которыми в припадках ревности Олег награждал Ларису, мы не можем по соображениям цензуры, то сама Лариса подробно пересказывала все Оксане, даже интонации передавала, и у той от возмущения глаза лезли на лоб. Справедливости ради стоит сказать, что Оксане и самой приходилось выслушивать нечто подобное в свой адрес от Толика (а до него – от Арсена и Ивана Петровича), и если она и была возмущена формой, в которой ей выражалось недовольство, то к фактической стороне обвинения она придаться не могла, тем более что была застукана с поличным. Но невинному Лорику выслушивать такое?!?! Этого терпеть было нельзя!

– Выставь ты его шмотки на лестницу, а замки смени, и пусть валит нахрен к своей бывшей или куда там еще! – настаивала Оксана.

– Не вариант, – возражала Лариса, – во-первых, квартира не моя, надо с хозяйкой согласовывать, а во-вторых – ну, сменю я замки, так он под дверью скандалить начнет или под окном орать.

– Ну, тогда сама съезжай!

– Ну и толку? Он знает, где я работаю, и быстро проследит, куда я с работы поеду. Нет, тут надо по взаимному согласию, чтобы он сам свалил. Но как его заставить?

На это у подруги рецепта не было.

Но через какое-то время Оксана позвонила и пригласила

в гости – мол, бабушка хочет тебе что-то рассказать. Сказано это было таким таинственным тоном, что Лариса сразу согласилась, тем более что давно не видела Тамару Ивановну и была рада повидаться. В субботу, оставив Олега в одиночку заливаться пивом, Лариса, прикупив торт, отправилась в гости.

Оксана жила в маленькой трешке-хрущевке вместе с матерью, бабушкой и сводным братом Никитой, которому недавно исполнилось шесть лет. Мама с Никитой ушли гулять, и они втроем разместились на маленькой и уютной кухне. После положенного обмена любезностями и расспросов о делах и здоровье, бабушка, обменявшись с Оксаной взглядами, приступила:

– Тебе Оксана не рассказывала, тут нашему Никите по ночам кошмары стали сниться. Почти каждую ночь. Во сне вскрикивает, стонет, а потом просыпается и плачет. Что мы только не перепробовали, и теплое молоко с медом на ночь, и пустырник заваривали, и Новопассит – ничего не помогло. И тут мне Михайловна, подружка моя из соседней парадной, про бабку одну рассказала. Уж не знаю, откуда она про нее узнала, а только бабка эта порчу снимает, привороты всякие делает...

Тут Лариса поняла, куда клонит Тамара Ивановна, и уже собралась возразить, но Оксана пихнула ее под стол – тише, ты дослушай сперва.

– А бабка эта живет в подвальчике на овощебазе, в са-

мом конце, как раз там, где я некондицию на варенье беру – ой, кстати, я про варенье–то и забыла! Ксюха, подай–ка вон ту баночку. Ну, значит, приходим мы с Никиткой, я ей все рассказываю, а она берет стакан с водой, разбивает в него яйцо и начинает вокруг Никитки кругами ходить, и нашептывать чего-то, а пальцем в этом стакане водит. Я гляжу, а вода вдруг вся мутная стала. А потом и говорит, мол, все, ступайте, а через три дня опять приходите. Пришли через три дня, как велела, она опять походила вокруг, побормотала чавой–та и говорит – все, мол, больше не приходите, никто его уже беспокоить не станет. И верь не верь, а ведь точно, как рукой все сняло! Ни разу больше не просыпается, тьфу–тьфу... Скажи, Ксюнь, – та кивнула, подтверждая.

– Я, если честно, во всякое колдовство не верю, но если помогло, то здорово, конечно, рада за Никиту, но, как я понимаю, вы это мне не просто так рассказали? – улыбнулась Оксана.

– Конечно, не просто, я ж в курсе твоих проблем, – Лариса с укоризной взглянула на Оксану, но та невозмутимо отвела взгляд, – и во второй визит, рассказала бабке про тебя.

– И что, мне Олега привести, чтобы она со стаканом вокруг него побегала? На стакан–то он сразу среагирует, – невесело ухмыльнулась Лариса.

– Не надо никого приводить. Она сказала, чтобы одна пришла и его фотокарточку принесла. И все.

– Шарлатанство все это. И стоит небось, как чугунный

МОСТ.

– А вот и нет! Ты же видишь – все работает. А денег она вообще не берет – нельзя им, говорят, что если такие вот вещуньи, или как там их еще называют, деньги возьмут, то вся их сила от них уйдет. Поэтому ты какие-нибудь продукты принеси, какие сама реши, и в уголок пакетик поставь тихонько, и все.

Лариса покивала, поблагодарила – ей не хотелось вступать в споры, все–таки ей добра желают, и перевела беседу в другое русло.

Однако, через две недели, после очередного Олегова закидона, она стояла у входа в подвал, с пакетом из Пятерочки в руке, и брезгливо оглядывалась по сторонам. Слева от обшарпанной двери возвышалась груда ломанных деревянных ящиков, справа – замызганный, полусгнивший матрасик да разломанная тумбочка с колченогим детским стульчиком. Как будто выкинули ненужный хлам из дома, а на помойку свезти поленились. Но не возвращаться же обратно, и она решительно толкнула дверь.

Внутри оказалось, на удивление, чисто и опрятно: выскобленный деревянный пол украшала светлая вязаная циновка, стоящий в углу стол был застелен белой скатертью, в темном углу за раздвижной ширмой виднелась аккуратно застеленная кровать, в изголовье которой горкой возвышались подушки, накрытые белым кружевом. Несмотря на то, что в помещении не было ни одного окна, и свет давала только

небольшая лампочка под потолком, по углам стояло несколько комнатных растений в больших керамических горшках, и, похоже, отсутствие солнечного света им совсем не мешало. Сама хозяйка, маленькая аккуратная бабулька, с улыбкой поднялась ей навстречу. Лариса поставила пакет в угол у двери и, шагнув вперед, молча протянула карточку, на которой улыбающийся Олег позировал у припаркованного около ресторана чужого Гелендвагена. Бабулька, не взглянув на карточку, положила ее под салфетку, лежащую на столе:

– Все, внученька, ступай, все хорошо будет, – ласково улыбаясь, пропела она.

– Вы уже знаете о моей проблеме? – удивилась Лариса

– Знаю, знаю, не переживай – все исполнится. Ты ведь хочешь, чтобы он оставил тебя в покое?

– Очень хочу.

– Вот и славненько, а теперь ступай, голубка.

– А второй раз приходить не нужно?

– Не, не надо, прощай, Ларисочка, – и бабулька вернулась к вязанию, которое она отложила, чтобы встретить посетителя.

Первая неделя прошла как обычно. Возвращаясь домой, Лариса не находила ни малейшего намека, что горе-сожитель собирается ее покинуть – он постоянно пребывал в одном из двух агрегатных состояний: либо пьян и хмур, либо пьян и спал.

А вот потом начались перемены. Он стал уменьшать до-

зы спиртного, а затем и совсем бросил пить. Пару раз звонил и спрашивал, что купить. А вскоре Лариса подумала, что ошиблась дверью, вернувшись как-то вечером с работы и учуяв с порога запах жареной картошки. Правда, дальше пельменей, да яичницы с картошкой Олег, в своей кулинарной деятельности не заходил, но это было настолько приятно и неожиданно, что Лариса пару дней ходила просто счастливая. Изменилось и его отношение, если он и не сделался более нежным и ласковым, то хотя-бы престал грубить, прекратились и беспочвенные припадки ревности. И Лариса стала ловить себя на мысли, что ей стало приятно вечерами возвращаться домой.

– Видать, у бабульки прицел сбился, заклинание не туда угодило, но так даже лучше получилось, – делилась Лариса с подругой.

Метаморфоз Олега тем временем продолжался, он начал следить за собой и уже не просил Ларису подстричь его на кухне, а стал ходить в салон, купил абонемент в фитнес-клуб, а потом и вовсе сразил Ларису, встретив после работы в пиджаке от Тома Форда. Как одежда меняет людей! Лариса была счастлива, прогуливаясь вечерами под ручку по парку и замечая заинтересованные взгляды, что бросали на ее кавалера встречные девицы.

Однако старушка не промахнулась.

Вернувшись погожим вечером с работы, Лариса, не обнаружив дома ни Олега, ни его вещей, забеспокоилась и сразу

набрала его, но выслушала только длинные гудки. А потом прилетело сообщение, в котором Олег сообщал, что полюбил другую, переехал к ней и просит его простить, понять и больше не звонить. После чего аватарка Олега исчезла, и Лариса поняла, что ее заблокировали.

Заговор или заклинание (или как там это еще назвать) сработал на 100 %: Олег выехал сам, по-хорошему, по собственной (ха-ха) воле, и оставил ее в покое – все, как было заказано. Но, вместо радости или облегчения, Лариса почувствовала лишь горечь утраты и опустошение. Она хотела избавиться от того, старого Олега – пьяницы, лентяя и грубияна, а нынешний-то, исправившийся, ее полностью устраивал... Бродя по опустевшей квартире, она ощутила такое одиночество, что даже расплакалась.

– Свободу попугаям! – радовалась Оксана – Теперь, хоть нормального мужика себе найдешь. Все, идем в субботу в клуб! У Толяна корешок один замечательный есть, Славка – закупаешься! Я все организую.

Хоть у Ларисы не было особого желания кутить, она согласилась. Оксана все организовала, и Толик привел Славу – высокого парня с большими, навывкате черными глазами и густой курчавой шевелюрой. Не успели они сесть за стол, как «замечательный корешок» тут же ухватил Ларису за коленку под скатертью.

«Интересно, что Оксана про меня такого наговорила? Походу он считает, что я только с необитаемого острова или

полярной экспедиции вернулась, и ухаживать за мной вообще не обязательно?» – Лариса на мгновение задумалась, как лучше поступить: дать по роже Славику, а потом отчитать Оксану, или – наоборот?

Но едва она приняла решение, как сквозь клубный гвалт до нее донесся знакомый голос:

– Привет! – стараясь перекрыть шум, громко сказал Олег. Он держал в одной руке бокал, а другой обнимал за талию симпатичную, но, на Ларисин взгляд, чересчур вульгарно раскрашенную брюнетку. – Это Марина, познакомьтесь.

– Привет! – крикнула Лариса, и мгновенно передумав бить Славику, наоборот – поближе придвинулась к нему. Славик намек понял и отреагировал соответственно со своими понятиями о флирте – его рука, стремительно скользнув вверх под скатертью и юбкой, тут же уперлась Ларисе в трусики и там замерла: как незаметно продолжить наступление, все же они находились в людном месте, Славик не знал. Он призадумался, и от напряжения глаза его еще больше выпучились, а лоб прорезала морщина. Воспользовавшись замешательством противника, Лариса незаметно спихнула его руку и, стараясь казаться равнодушно-позитивной, осведомилась у Олега о его делах.

– О, все в порядке, – прокричал Олег, – вижу, ты тоже не скучаешь. Ну ладно, нам пора, – он, не отпуская талию Марины, повлек ее дальше по проходу. – Да, совсем забыл, я ж ключи тебе не вернул, на работу как-нибудь завезу, ну

все, пока!

Как только они скрылись в толпе танцующих, Лариса резко повернулась к Славику:

– Даже, если бы ты был единственным мужиком на свете... – начала она было слышанную в каком-то фильме фразу, но потом осеклась, махнула рукой и вышла из-за стола, оставив компанию в полном недоумении. А Лариса поехала домой и прорыдала до полуночи.

От предложения Оксаны познакомить ее с другим «шикарным парнем» она отказалась: нафиг этих ухажеров, одной спокойнее. И следующие две недели она изо всех сил старалась наслаждаться свободой: посещала выставки, ходила с подружками по кафешкам, вечерами прогуливалась по парку. Поначалу ей даже нравилось приходить домой и проводить остатки вечера в одиночестве перед телевизором, но Олег никак не оставлял ее в покое. Большая глиняная кружка, из которой он по утрам пил кофе (ну кто пьет кофе ведрами?!). А вот идет сериал, который так ему нравился, что он дословно цитировал реплики героев. Даже реклама его любимых мерзких чипсов заставляла ее сердце замирать. Даже его одинокий грязный носок, выметенный из-под дивана, сумел вывести ее из душевного равновесия.

– Нифига себе, сила привычки! – удивлялась она себе. – Или это любовь?

Прошло еще две недели, и она определилась.

Она тихонько поставила пакет «Азбука Вкуса» в угол у по-

рога и шагнула к столу, за которым сидела бабулька со своим всегдашним вязанием.

– Здравствуйте, бабушка, – Лариса всхлипнула.

– Проходи, проходи, голубка, – ласково ответила старушка и, взяв гостью под руку, провела и усадила за стол.

– Ну, что вернуть хочешь басурманина ептова? – она лукаво сощурилась.

– А как вы догадались? – удивилась Лариса. Но старушка взглянула на нее, в маленьких выцветших глазках блеснула искорка, и Лариса как-то сразу поняла, что, конечно же, все ей известно. И про нее, и про Олега, и вообще – про все на свете, будто все знания, вся мудрость многих веков глядели на нее из-под набрякших, морщинистых век.

– Ой, напрасно, девонька, не советую, – молвила старушка, – да разве молодость слушалась, когда советов старческих? Сколько живу – не припомню.

«А сколько вы живете?» – захотелось спросить Ларисе, но она удержалась от бестактного вопроса, и снова всхлипнула.

– Ой, не спрашивай! – не стала отвечать старушка на незаданный вопрос – Ладно, верну, коль хочешь, хоть это тяжело дастся и мне и ему. Ему-то особенно...

Прошла неделя. Лариса по несколько раз в день проверяла телефон на пропущенные звонки. Но их не было, и профиль Олега по-прежнему был для нее закрыт. Она не отчаивалась, ведь старушка сказала, что это будет не просто, и терпеливо

ждала.

И дождалась.

Зайдя в квартиру, она сразу увидела на полу посреди прихожей сумку Олега, а рядом – и его кроссовки. У нее перехватило дыхание. Она отворила дверь в комнату. В нос ударил запах носков и перегара. Она включила свет. Олег, в одежде, ничком лежал на кровати лицом вниз. У кровати на полу валялось несколько пустых пивных банок. Он поднял голову:

– О, привет. А я тут забухал, и меня Маринка выгнала, прикинь, – он говорил, с трудом ворочая языком. – Так, что ты меня прости, ладно? Я типа больше не буду, – он рыгнул, – ладно потом добазарим, – он снова ткнулся лицом в подушку и затих.

ГЛАВА 4.

За 1036 лет до описываемых событий.

Едва он объявился в Киеве, как сразу привлек к себе внимание. И не только из-за нестандартной внешности – в большом и богатом торговом городе кого только не встретишь, от местных оборванцев до богатых купцов заморских. Этот походил сразу на всех, и, вместе с тем, ни на кого. Он с равным успехом мог быть родом как из жаркой Африки, так и с ледяных северных островов. Откуда он прибыл – никто не знал.

Одни говорили, что из далекой восточной страны, где все население желтого цвета, другие клялись, что лично слышали, как он рассказывал о каких-то бескрайних полях, где люди украшают себя птичьими перьями и отрезают врагам волосы вместе с кожей, в то время как третьи были уверены, что он родом из этих мест, просто много лет скитался по чужим землям. А один араб, торгующий коврами, утверждал, что он точно его земляк, так как говорит на его родном диалекте. Короче – сплошная путаница. Как его зовут, тоже было непонятно. Каждому он представлялся по-разному, называя себя такими странными и труднопроизносимыми именами, что его стали звать просто Путник (а может, и Путанник, кто уже вспомнит?). Говорил он тоже странно, как будто ручеек шумит – всегда одинаково ровно, никогда не повышая голоса и не меняя интонации. Он охотно рассказывал о своих странствиях, и не было, по-видимому, мест, где бы он не побывал. У суровых, не склонных к сантиментам косматых и бородатых мужиков мороз пробежал по коже, когда Путник своим бесцветным голосом буднично рассказывал, как в одной стране, где такое жаркое солнце, что все люди обуглились и ходят черные, как головешки, у захваченного врага костяным ножом вырезают внутренности и тут же сырыми и поедают, думая при этом, что забирают себе таким образом его силу и удачу. Хотя, о какой удаче может идти речь, когда бедолагу сперва убили, а потом и сожрали?

О странном Путнике доложили князю Владимиру. Он ве-

лел последить на нем пару дней – а не лазутчик ли какой вражеский? Последили, разговоры послушали, ничего подозрительного не нашли, и повелел Владимир привести Путника – он был любознателен и любил общаться с самыми разными людьми. Путник совершенно покори́л князя своей осведомленностью в самых разнообразных областях, начиная от военного дела и заканчивая новейшими методиками бортничества. Князь отнюдь не был наивен и доверчив, и, получив ответы Путника на свои вопросы, справлялся на этот счет у своих, проверенных и знающих людей, и они подтверждали, что все сказанное Путником на самом деле имеет место быть. Вскоре Путник сделался главным советником князя. А советы Владимиру сейчас особенно были нужны, ибо задумал он большое дело, и ошибиться было никак нельзя.

Владимир понимал, что сила государства в его единстве. Что только сильная рука, сильная власть, может скреплять его. Но одной сильной руки недостаточно, что-то еще должно объединять народ. И это что-то – вера. Языческие боги уже не справлялись с этой задачей. Волхвы из-за своей дремучести и пьянства перестали пользоваться доверием народа. Нужно было срочно искать замену Перуну и Сварогу со товарищи. Нужен был один, один на всех Бог. В общем, цели князь преследовал самые практические, ни о каком духовном начале, тогда и речи не было – он просто подбирал инструмент. Владимир уже знал, что в мире существуют и неплохо справляются со своими задачами несколько различ-

ных верований. Осталось выбрать из них одну, наиболее подходящую для земли и народа Русского. И Владимир мудро решил выслушать представителей этих религий, благо в Киеве их пребывало во множестве, и чья презентация покажется ему более убедительной, ту и выбрать. Отправили за представителями иудейства, ислама, католиками, буддистами и православными Византийскими монахами.

Князь собрался на охоту, и решив объединить приятное с полезным, велел священникам ехать вместе с ним, и ждать в лагере, чтобы потом, после охоты, во время вечерней трапезы, порешать и дела духовные.

Расположились лагерем на большой поляне. Спать отправились пораньше, чтобы наутро, еще затемно начать охоту. Путник отказался ехать вместе с князем, сославшись на недомогание.

– Я, княже, отлежусь в шатре чуток, а потом, если полегче станет, по округе поброжу, может, тоже какую живность тоже добуду.

– Кого ты тут добудешь!?! – рассмеялся Владимир – Ладно отлеживайся, добытчик, и смотри, чтобы к вечеру под рукой был, дела важные решать будем.

– Охота не задалась. Уже начинало смеркаться, когда князь с дружиной, усталые, вернулись в лагерь. Добыли несколько хudosочных косуль, да пару диких свиней. Возле княжеского шатра был уже разведен огонь, и жарился на вертеле огромный вепрь. На изумленный вопрос князя, слуги,

жарившие дичь, только кивнули в сторону Путника, который со своим обычным невозмутимым видом сидел поодаль.

– Просто повело, княже – ответил Путник – я только в лес зашел, как он прямо на меня и выскочи.

– Как это, выскочил? Они ж осторожные, лагерь за версту обходят – не поверил Владимир – Да, и как ты в одиночку такую зверюгу завалить сумел?

– Да, говорю, свезло. Он как выскочит из кустов, я с испугу кинжалом ткнул, и прямо ему в ухо попал, он замертво и свались. И как удачно, что рядом все случилось, тащить недалеко пришлось. – Путник кивнул в сторону слуг, шуршащих вокруг вертела – хотя все одно умаялись, тяжеленный то какой.

– Ну, ты и везунчик – князь восхищенно щелкнул языком – может тебя старшим охотничьим назначить? – засмеялся он. – Да, ладно, шучу – охотников у меня полно, советники хорошие нужны.

Тем же вечером, сидя у костра, один из тех, что жарил вепря, уже в сильном подпитии, возбужденным шепотом рассказывал товарищу:

– Врет все этот Путник! Не так оно все было – сам видел! Он как в лес-то зашел, я следом двинул – не за ним, а до – ветру. И вот только присел я в кустиках, как гляжу, а он уже обратно из леса выходит. А вепрь этот, рядом с ним идет! Рядышком, словно собака! Я аж забыл, зачем пришел...

– А дальше-то, что?

– А дальше они остановились прямо на опушке, и Путник руку веprü на холку положил, и что-то тихонько ему прямо в ухо говорит. А веprü стоит молча, и внимательно так слушает, только головой качает. А потом Путник достает кинжал и осторожно так запихивает веprü прямо в ухо. А потом поцеловал того в башку, да как вдарит ладонью по рукояти кинжала! Ну, веprü замертво и упал, даже не хрюкнул.

– Ты, иди-ка проспись Лучек, да больше чушь всякую не мели про княжьего любимца, а то сам знаешь, чем может кончиться, язычок-то вмиг оттяпают.

Пир, тем временем, шел своим чередом. Дружинники жарили на кострах дичь, и пили хмельной мед за здоровье князя и всех богов. Князь с ближайшими людьми расположился у самого большого костра и после обильной трапезы приготовился выслушать заморское духовенство.

Выступил вперед иудей. Он принял горделивую позу и только открыл рот, дабы начать прославлять свою древнюю веру, как из темноты, прямо над ухом у Владимира, раздался ровный бесстрастный голос:

– Прежде, чем ты выслушаешь этого уважаемого священника, ответь княже – для чего ты ищешь новой веры?

– Как это, для чего? – нахмурился Владимир, – я ведь уже объяснял тебе – чтобы сильнее стала земля Русская, чтобы крепче стояла держава моя и потомков моих. Неужто поза-

был уже, Путник?

– Конечно, помню, княже, а только ты спроси, для начала, этого достойного священнослужителя иудейского, а где же их–то собственная земля? Где их держава? Нет ее, и земли у них нет, скитальцы они вечные, по чужим странам живут, и гонения всяческие терпят. Сильно помогла им их вера? Этого ли ты и для земли Русской ищешь, княже?

Совсем не этого желал Владимир и, так и не дав иудею произнести и слова в защиту, жестом велел ему удалиться.

Следующим перед князем предстал служитель Аллаха. Но, прежде чем дать ему слово, Владимир повернулся к Путнику:

– А про этих что скажешь? – князь отпил из большого кубка.

– Скажу, что это, без сомнения хорошая вера, и, пожалуй, лучше всех прочих подходит для задач, которые ты поставил перед собою и землей Русской: она объединяет людей под своим знаменем, и в то же время легко позволяет управлять ими, она довольно проста и понятна обычному, даже совсем не грамотному человеку. Под флагами этой религии завоевано много земель и царств, сила ее постоянно растет, и придет время, когда она станет одной из самых могущественных. Но есть один нюанс: Коран запрещает употребление хмельных напитков, – Путник покосился на кубок, из которого князь Владимир только что сделал добрый глоток, – не уверен, что твоей дружине это придется по вкусу, – и он перевел взгляд

на костры, вокруг которых всюду шла бурная пьянка – горланили песни, громко ржали, кто-то дрался, кто-то, пьяный уже, спал.

– Да, объединить под знаменем – это, конечно, хорошо, ну да как дружине после сечи лютой не расслабиться? – задумчиво молвил Владимир и еще отхлебнул из кубка. В слегка затуманенном взгляде его отразилась внутренняя борьба. Вероятно, государственник боролся в нем с обычным человеком, со всеми его слабостями. Борьба была недолгой.

– Зови следующего – молвил Владимир, отогнав жестом мусульманина.

Настала очередь католика. Но, едва он появился в пятне света, отбрасываемого костром, в своем черном балахоне с капюшоном, надвинутом на лоб, как вновь раздался невозмутимый голос Путника:

– Это, конечно богатая и могущественная организация, но уж больно мерзкие людишки ее возглавляют. Бывал я в Ватикане, да и по монастырям их довелось поскитаться, так много непотребного там увидел. Муж с другим мужем – аки с жинкой спит. Да что мужей, даже детей малых, как девочек, так и мальчиков, для забав своих скотских пользуют.

Владимир молча запустил в католика чашей – все равно уже опустела – и потребовал новую чашу, и нового выступающего.

Выступил буддист. Если про иудеев, мусульман и католиков Владимир уже слыхивал и ранее, то кого представлял

расслабленно улыбающийся чернявый хлопец в балахоне, он совершенно не представлял и привычно обернулся к Путнику.

– О, это прекрасная и старейшая вера, но она совершенно неприменима в наших суровых условиях, – с готовностью начал Путник, – одно дело – сидеть и ничего не желать под сенью фигового деревом в тропическом саду под пение райских птиц, и совсем другое – сражаться с половцами и печенегами. Тебе нужны войны, а буддизм – это совершенно другое. Вот победишь всех внешних врагов, тогда и о буддизме можно будет призадуматься. Хотя, честно говоря, и после победы, медитировать в ноябре под осиной – то еще удовольствие...

– Ну ладно, кто там еще остался? – дальше князь уже не слушал, в голосе уже послышалось недовольство.

На свет вышел православный священник в богатом, расшитом золотом одеянии.

– О, это отличная религия, – монотонно забубнил Путник, – всем хороша, разве что...

– Ну, а с этой – то, что не так? – сердито молвил князь. Он был уже изрядно навеселе, и в таком состоянии становился опасен.

– Уж больно они до роскоши охочи. Надо им, чтобы храмы их были золотом да самоцветами убраны, одежды, вишь, какие богатые носят. Да и покушать всласть любят. Ты, княже, всю свою казну не на доспехи ратные, а на мишуру спу-

СТИШЬ....

– Так, тебя послушать – совсем нет веры хорошей на свете белом?! – уже вскричал Владимир. – Ты что, сукин сын, советуешь? Все у тебя не так! Да не навредить ли ты собрался, и планам моим препону учинить? Так я тебя, собаку, сейчас быстро на чисту-воду выведу! – совсем распалился Владимир.

– Не гневись, княже, – Путник и сейчас не изменил своей манере говорить монотонно, не повышая голоса, и это успокаивающе подействовало на Владимира.

– Все верования хороши, и много лет уже исправно служат народам, что им следуют. Но народы – все разные, и уклад жизни у всех разный, и то, что хорошо одному, не обязательно подойдет другому – именно это я и старался показать тебе.

– Так, что делать посоветуешь, какую же выбрать? – уже более спокойно спросил князь.

– Кто я такой, чтобы тебе, светлый князь, советы давать? Тут – только твоя воля. Хотя одно предложение у меня есть: утро вечера мудренее, ты обмозгуй все как следует, а утром и решение примешь. А я тебе вот еще что предложить могу: тут недалече, в лесу, бабка одна, отшельница древняя живет, так я сейчас за ней схожу и утром тебе приведу, большой мудрости бабка эта, может, тебе еще чего назовет.

– Ведьма, что ли? – усмехнулся Владимир, – на кой ляд она мне?

– Не, какая ведьма – просто большого ума женщина, она тебе может такого насоветовать, о чем ты, княже, и не помышлял вовсе. Предложит совсем другой способ объединить людей под твоими знаменами. Он проще и дешевле. А ты ее просто выслушаешь, сравнишь, а решение уж потом, конечно, свое единоличное примешь.

– Ну, черт с тобой, веди бабку. – Владимир зевнул.

– А вы, – обратился он к представителям религий, – завтра приходите, еще потолкуем, решение свое оглашу.

Служители культов поклонились Владимиру и удалились, искоса кидая сердитые взоры в сторону Путника. Только греческий священник ласково улыбнулся ему, но, отойдя в тень, от княжьего костра, что-то прошептал своему слуге, широкоплечему монаху в черной сутане. Монах молча кивнул, попятился и скрылся в темноте.

Путник шел по тропке, бегущей по берегу небольшой лесной речки. Вот вдали осталось зарево костров, затих шум лагеря. Едва слышное журчание воды заглушало звук его легких шагов. Заглушило оно и другие шаги. Они приблизились стремительно, и Путник не успел обернуться. Сильные руки схватили его сзади за голову и одним мощным рывком свернули шею. Захрустели позвонки, и Путник, словно мешок с брюквой, повалился под ноги своего убийцы. Тот постоял немного, прислушиваясь и оглядываясь по сторонам, потом легко поднял тщедушное тело и, раскачав, закинул его почти на середину речки. В тишине раздался громкий всплеск, те-

ло немного проплыло по течению, а потом исчезло в темной ночной воде.

ГЛАВА 5.

Студентик отложил книгу и отхлебнул из стоящей перед ним темной оловянной кружки. Он уже около часа сидел в маленьком трактирчике на берегу Волги. Трактирчик находился чуть в стороне от шумного центра и стоял на высоком берегу, откуда открывался прекрасный вид на блестящую под июльским солнцем великую реку. Студент любил сюда ходить – было здесь немногочисленно, кормили вкусно, да и цены не кусались. А сейчас и вовсе никого не было, только половой-татарчонок дремал за буфетом, да полчища мух носились под потолком, куда ж без них. Да еще бабка с вязанием сидела в тенике на лавочке у входа. Студент прикрыл глаза, уставшие от чтения, а когда вновь открыл, то с удивлением увидел прямо перед собой странного мужичка в балахоне, наподобие монашеской рясы. Тот словно из-под земли вырос.

– Здравствуйте, молодой человек, – прозвучал тихий, ровный голос, – вы не возражаете, если я присяду?

Студент изобразил на лице легкое удивление и обвел трактир взглядом, как бы показывая – все столы свободны, почему именно сюда? Но мужичок, видать, намек не понял и остался стоять, как стоял, и студенту не осталось ничего дру-

того – он был воспитанным молодым человеком – как пригласить того сесть.

– Вы, видать, не особо привечаете священников? – спросил незнакомец, откидывая капюшон.

Лицо его показалось студенту необычным, невозможно было определить его национальность. Голова на тощей шее сидела как-то криво, и крупный нос с горбинкой смотрел чуть в сторону, в то же время большие синие глаза глядели прямо на собеседника. Под этим взглядом студенту стало не по себе, и он поймал себя на мысли, что и в самом деле не любит попов, хотя раньше никогда об этом и не задумывался, его вообще мало интересовала религия.

– Ну, к вам–то это не относится... – начал он, но незнакомец мягко перебил:

– О, пусть моя одежда не вводит вас в заблуждение, я никаким боком не отношусь к этим деятелям, мне так просто удобно. Я, если честно, и сам их терпеть не могу.

Студент хотел было сказать, что ему нет никакого дела до симпатий и антипатий навязчивого собеседника, но, снова встретившись взглядом, тут же передумал и согласился. А едва незнакомец расположился напротив, как он тут же, не ведая зачем – ведь его даже и не просили – рассказал несколько историй, где священники представляли в самом неприглядном виде. Истории эти на самом деле имели место, только они раньше казались ему скорее забавными: среди попов – точно также, как и среди их прихожан – встреча-

лись и обжоры, и пьяницы, и бездельники. Но если раньше это были просто поводы для шуток и анекдотов, то сейчас он вдруг ощутил приступ ненависти.

– Извести бы этих дармоедов! – студент хлопнул ладонью по столу.

– Ну, то, что вы рассказали – это просто забавные мелочи. За ними, за всей церковью в целом, гораздо более тяжкие преступления числятся.

– Это какие же?

– А знаете ли вы, молодой человек, что только во имя Христа было убито больше людей, чем во всех войнах, вместе взятых? А если добавить сюда падших во имя Аллаха? А древние Рим с Египтом? А когда станут известны данные о зверствах жрецов племен майя, ацтеков и инков – мир содрогнется. Это же реки крови. И почти поголовно – невинных людей.

Студент, разумеется, знал и о крестовых походах, и об инквизиции, да и о кровавых обычаях южноамериканских племен кое–что слышал, но, как и всякий современный молодой человек, был не склонен безропотно соглашаться с чем бы то ни было.

– Ну так, когда это было? Те же Майя тогда искренне верили, что жертвоприношениями можно было задобрить богов. Жертвовали немногими, чтобы остальные могли выжить. Они же дикие еще были.

– Дикие? Вы считаете, что люди, придумавшие сложный

календарь, который и по сей день актуален, которые знали астрономию и могли рассчитывать движение звезд и планет, искренне верили, что если убить сто младенцев, то пойдет дождь? Вы в это верите?

– Ну, не знаю... А, зачем же тогда?

– У них были другие причины, не будем об сейчас об этом. А убивали просто потому, что могли. Жрецы, священники – или как их не назови – навязали свою волю целым народам. Превратили народ в стадо, себя нарекли пастырями и творили все, что хотели. Вместо жертвоприношений могли бы заявить, что всем нужно, например, скакать на одной ножке. И все скакали бы.

– А кто не скачет, тот..., – засмеялся студент.

– Правильно, еретик, и – в костер его.

– Ох, за такие речи вас самого следует в еретики записать.

– Уж сколько раз...

– И все равно я с вами не согласен, – не унимался студент, – все-таки церковь и много полезного сделала, все эти заповеди – они ведь помогают людям жить, определяют правила.

– Да, но это было актуально много веков назад, сейчас, с развитием цивилизации, потребность в ней отпала, за соблюдением всех этих «не убий, не укради» прекрасно надзирает государство.

– Не согласен, государство и церковь должны работать совместно – вот посмотрите: например, я хочу украсть, и я

знаю, что за это меня арестуют и посадят в тюрьму. Но это только, если поймают и докажут. А если не поймают? А я ловкий и хитрый, и меня сложно поймать. И вот тогда вступает религия: от земного суда ты еще можешь скрыться, а от божественного – никогда.

– И что, у нас мало убийств и разбоев?

– Ну, значит, было бы в сто раз больше. И потом, религия ведь не только для устрашения, она еще и учит: как правильно жить, как избегать всяческих искушений дьявольских....

– А вы, что думаете, что дьявол существует? Это ерунда: Сатану, Вельзевула, демонов и прочих чертей сами церковники и придумали.

– Зачем?

– Да затем, чтобы было с кем бороться. Все по законам капитализма: сперва – создать проблему (потребность), а потом предложить способ ее решения, маркетинг в чистом виде.

Но студент не сдавался, что-то в сказанном смущало его, как-то слишком просто и однобоко все это выглядело, но сформулировать он не мог, то ли кружка пива, то ли пристальный синий взгляд мешали ему сосредоточиться.

– И, кстати, наша православная церковь не особо-то зверствовала, по сравнению с остальными, – попробовал он немного сменить направление диспута.

– Согласен, однако меньшее из зол все равно остается злом...

Выражение «одной левой» пришло из мира бокса. Это когда опытный боксер, тренируясь с новичком, убирает правую руку за спину (если он правша, конечно) и боксирует только одной слабейшей рукой, чтобы как-то уравнивать шансы. Но потом, когда ему надоедает, или оппонент становится излишне рьяным, он подключает правую и быстренько расставляет все точки над «и».

– ... и должно быть наказано, – закончил фразу мужичок и в упор посмотрел на студента.

– Разумеется! – тут же воскликнул юноша. – Надо известить всех церковников!

– О, это было бы дело полезное. Да только никак ты их не изведешь, пока кое-что другое не сделаешь, – тут мужичок прищурил глаз. И таким пронизательным и в то же время заразительным показался студенту этот прищур, что тот невольно сощурился в ответ.

– И что же нужно сделать? – искренне заинтересовался студент.

– Это не простое дело. Церковь запросто так не возьмешь, за ней сила великая стоит. И сила эта – государство. Власть. Они вместе срослись, церковники щупальцами своими все опутали. Разделить их надобно. А потом – и прихлопнуть гидру.

– Ну, такое вряд ли возможно.

– А ты послушай сперва, – мужичок заказал им еще по кружке и последующие полчаса что-то еле слышно монотон-

но объяснял. И по тому, как у студента загорались глаза, как начинал морщиться от избытка мыслей высокий лоб, становилось ясно, что негромкие слова эти падали на благодатную почву. Вот мужичок закончил, и в трактире наступила полная тишина, оказалось, что даже мухи вылетели на улицу, дабы не мешать их тихой беседе. Только старые часы-ходики отчетливо тикали над буфетом.

– Ох, черт, я ж опоздал уже! – вдруг спохватился студент, взглянув на часы. Он извинился и, схватив книгу, выбежал из трактира и со всех ног припустил вниз по улице.

Мужичок не спеша допил пиво и тоже вышел на улицу. Он посмотрел в сторону, куда умчался его юный собеседник, а потом молча опустился на лавочку, где по-прежнему сидела старушка. Та отложила вязание и, достав из фартука кулек с семечками, молча протянула ему. Он подставил руку, и она отсыпала ему горстку. Несколько минут посидели молча, слышался лишь звук сплевываемой шелухи да звон цикад.

– Перспективный мальчуган, – безо всякого выражения произнес мужичок.

– Ой, сколько уж таких перспективных у тебя было, и что? И где они все? – сварливо-добродушно ответила бабка и снова протянула ему кулек.

– Потенциал в нем чувствуется.

– Ну, поживем – увидим, – не стала дальше спорить старушка.

– Поживем, поживем, не нажились еще, – вероятно, это

была шутка, потому что, несмотря на похоронный тон, которым это было сказано, старушка рассмеялась.

В это время запыхавшийся Володя уже вбегал во двор Казанского университета.

Через 31 год Ленин подпишет декрет об отделении церкви от государства, а еще через три – об изъятии церковных ценностей, что приведет к массовому разграблению храмов, и гонению на священнослужителей.

ЭПИЛОГ.

Они сидели на старом деревянном причале на берегу озера, в двадцати километрах от города Валдай. Мужичок в ватнике читал газету, старушка, в телогрейке и платочке, вязала. Стояла вечерняя тишина, только ветхая лодчонка изредка постукивала бортом о причал, да звенела поодаль комариная стая. Вдали, на противоположном берегу виднелись многочисленные постройки правительственной резиденции. Стало смеркаться и там, на причале зажгли огни.

Мужичок аккуратно сложил газету и убрал в карман ватника. Старушка покосилась на него.

– Да уж, тяжело с людьми приходится, – сочувственно сказала она, – с прочей живностью куда легче все получилось.

– Ну, с насекомыми совсем легко, муравьи с пчелами вообще сразу научились. Да и за этих я спокоен, – он, не обо-

рачиваясь, махнул рукой в сторону комаров, и только старушка – они были уже достаточно давно знакомы – смогла распознать в этом жесте толику нежности. Комары ответили вежливым жужжанием.

– Да, за насекомых можно не переживать. И рыбы с птицами правила усвоили, у них тоже все в порядке теперь, приспособились, выживут, – добавил он чуть позже – главное, чтобы все соблюдали правила.

– Все- то тебе по правилам надо.

– А как же? Все как в общежитии: или соблюдаешь, или расстаемся.

– А коты?

– Ну, да коты – случай тяжелый: класть они хотели на правила. Но ничего, я с ними еще не закончил, никуда не денутся, просто руки все никак не доходят.

– Угу – старушка спрятала улыбку в платочек, и сменила тему:

– А утки–то, помнишь? – пустилась она в воспоминания.

– Как тут забудешь. Потупили они конечно, изрядно, что поделать – глупая птица, никак им было маршрут на зимовку не запомнить. Но ничего, справились потом.

– А, эти-то – старушка пренебрежительно кивнула в сторону огня – считают, что птицы по каким-то там магнитным полям ориентируются.

– Пусть считают. Их послушать, так и динозавры сами по себе вымерли.

– О, динозавры, – старушка грустно улыбнулась, – а уж какие важные ходили, тоже думали, что хозяйева тут.

– А люди-то – да, тяжелый случай, – продолжила она после небольшой паузы, – наивные, считают, что сами приручили животных, которых теперь называют домашними. И ведь благодарности никакой не дождешься.

– Нужна мне их благодарность.

– Понятно, что не нужна, просто странно, какие они недалекие и самонадеянные.

– Как и весь молодняк, – подтвердил мужичок. Они помолчали.

– Может, еще образумятся, успеют – печально вздохнула старушка – пора бы уже. А то, с испокон веку все вверх, в небеса смотрят, просят кого-то, ждут кого-то... Ох, совсем не туда им смотреть бы надо...

– Ладно, мне пора, остаешься за старшую, – прервал беседу мужичок. Он поднялся и стал отвязывать лодку.

– Ехай уже, шутник. – И чуть позже, уже совсем серьезно: – Думаешь, есть шансы?

– Не уверен, но попробовать стоит, перспектива есть. Ну, а нет – так нет, не впервой, – он хрустнул своей кривой шеей.

– Ты, я смотрю, в последнее время все больше по Владимирам специализируешься, – усмехнулась старушка.

– Так складывается, потенциал в них вижу, – он легко прыгнул в лодку и оттолкнулся ногой от причала.

– Ну, поживем – увидим, – она приложила ладошку к гу-

бам и тихонько дунула на нее. Легкая зыбь пробежала к исчезающей в темноте лодке.